СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Владимир Королев (г. Смоленск)

ПЕРЕПРАВА — АД И СЛАВА Главы из повести

Повесть известного смоленского писателя и журналиста Владимира Королева «Переправа — ад и слава» рассказывает о судьбах защитников Соловьевой переправы на Днепре кровавым летом 1941 года. Прототипами большинства литературных героев произведения являются реальные участники великой войны и истинные патриоты Смоленского края. Один из главных героев повести — тульский учительполитрук Семен Туликов. Соловьева переправа — особое место на Старой Смоленской дороге и древнем торговом пути «Из варяг в греки». Здесь во времена многочисленных войн русские ратники с честью, достоинством, отвагой и мужеством встречали захватчиков, рвущихся к Москве. Так было и в периоды польского нашествия в XVII веке, и во время Отечественной войны 1812 г., и в 1941 г. Коменданту Соловьевой переправы полковнику Александру Лизюкову еще 5 августа 1941 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Повесть посвящена памяти Константина Симонова, столетие со дня рождения которого отмечалось в 2015 году. Его жизнь и творчество неразрывно связаны со Смоленщиной и Белоруссией, а его талант военного журналиста и писателя-баталиста ярко раскрылся именно в «сороковые роковые».

В жару крапива кровью пахнет — Вся скорбь Днепра дерет мне мозг! И ждешь спиной, что взрыв шарахнет И дыбом вздыбит новый мост. Тот, что воздвигнут в этом веке И бомб войны не слышал свист. ...Шуршат машины; как по треку Летит рыбак-мотоциклист. Живет река, живет Россия, И переправе жить века! Наверно, есть места красивей, Но нет той сини в васильках! И нет отваги, что пронзает, Когда перила под рукой Поют тебе, что Днепр знает,

Какого мужества покрой Здесь берега крапивил кровью, Штыком фашиста доставал И языкастою свекровью В бой до Победы матом гнал.

Владимир Королев, 22 июня 2015 г.

ПРИВИВКА ИМЕНИ МИЧУРИНА

— Женька, повесь мою ножку на яблоню, пусть как следует проветрится! — отец, сидя на низенькой скамеечке, кряхтя, отстегнул башмак с вырастающей из него деревянно-кожаной голенью и кочергой, что вымешивают жар в летней печке, двиганул протез на скатерку майского луга. — Пожалуйста, дочушка!

Женька светится. Ей пятнадцать лет. С радостью и интересом, который свойственен только юным хозяйкам, она шурует большой желтой из сухой сосны выструганной ложкой в чугуне (там зреет шурпа — папка пригласил на застолье в честь 9 Мая товарищей-фронтовиков) и тонкими пальцами (нет, это не от них подмигивают Ивану Максимовичу солнечные зайчики — их пускает сталистая полоска ножа!) кружавчиками снимает с литых картофелин параграфы шелухи.

Отец, только что любовавшийся стригущими (ни дать — ни взять — ласточка!) движениями милых-милых рук, вынужден отвлечь Женьку: готовка-готовкой, однако и бате минуту внимания можно, в конце-то концов, уделить!

Быстренько вытерев ладошки о передник, дочь взяла ходячую историю, как называет отец свой протез, и потащила его к дереву. Узкая спина ее напряглась, стала точеной, отчего бедрышки, раньше почти незаметные из-за циркульно легких и высоких ног, вдруг выпукло обозначились под веселой весенней юбкой.

- Тяжелый?
- Тяжелый,— хмурясь, ответила Женька, приспосабливая пахучее от сыромятных ремней деревянное изделие к нижнему, самому толстому суку развесистой яблони, вскипающей иссиня молочной пеной.
- Шесть килограмм,— Иван Максимович аккуратно, по окружности, подогнул брючину, и его куцая левая нога, устроенная на лавке как на лафете, коротким мануфактурно-пушечным дулом уставилась в сад. Два десятка тонких прутиков, посаженных осенью, разбежались по усадьбе, однако откровенной весенней силой радовала только старуха-яблоня: со скамейки, что была метрах в семнадцати от дерева, ее крона казалась непробиваемым шаром, а с дальнего края улицы фрегатом, летящим под полным парусом в хрустальную синеву околицы (так думала Женька); терем, укрытый белым облаком, виделся отцу. Впрочем...
- Одуван, вылитый одуван! однажды воскликнул, прежде чем подняться на крыльцо, Иван Максимович. И потом, возвращаясь с работы, всякий раз он задирал голову и независимо от поганости настроения и объема усталости произносил:

— Одуван!

Женька не поняла, что это за сорт яблок-яблонь — «одуван», а потом звонкозвонко, так, что брови чуть к макушке не убежали, рассмеялась: «Одуванчик! Одуванчик, но только очень-очень большой. Одуван!»

Яблоня чудом уцелела в морозную зиму страшного первого года войны. Немцы, влегкую вырубившие весь сад на дрова, столь могучее дерево, видимо, отложили «на потом», но, скорей всего, пожалели варвары свои тесаки, боясь выщербить их о казавшийся дубовым, угрожающе седой от инея кряжеватый ствол яблони. Однако война все-таки ужалила красавицу — она перестала дарить чудо-плоды. Сначала говорили: «Не яблочный год», но, когда за семь лет подряд дерево не разродилось ни

единым яблочком, Иван тихо взбеленился. Ведь он, вернувшись с фронта, первым делом посадил сад. Тогда, прыгая на одной ноге вокруг Женьки, держащей прутик, отец ссовывал в ямку землю своим протезным башмаком и приговаривал: — Вырастет быстро, есть за кем тянуться, на кого равняться! — имея в виду устоявшую в войну яблоню.

Саженцы взялись, однако зима сорок седьмого года жестоко обделила снегом деревню Шурубы, зато морозы насылала такие, что голая земля на огородах покрылась трещинами, в которых запросто скрывался штык лопаты, — и прутики вымерзли.

— Проклятая война, суки немцы! — матерился Иван, часто называя захватчиков не только суками.

Повзрослевшая Женька вновь держала прутики — и вновь вокруг нее, стараясь быть обстоятельным и ловким, передвигался батя, присыпая вымоченные в коровяке корни растеньиц рыхлой, с розовыми энергичными червяками, землей:

— Без яблок народ оставили, отродье поганое!

Со второго захода прутики прижились, и по лету зеленые их листочки уже шелестели также, как и листья взрослых деревьев. Но урожая яблок от них надо было ждать и ждать! И вот тогда Максимыч вынужден был взять в оборот довоенную сластену.

— Пол-огорода высасывает, а проку никакого! — говорил он, хлебая холодник. Женька протерла через решето ошпаренный кипятком первый весенний щавель, добавив в раствор горсть творога и стакан сливок. Бате кушанье очень нравилось, однако он продолжал брюзжать: — Яловка*! Я-лов-ка! Ты вот так кислицу по бугоркам бегаешь — собираешь, а можно было б все на своих грядах посеять. Так нет — всю землю этой царице отдаем. Ждем. А она — ни в какую! Одна радость, что цветет красиво.

«Одуван», улыбнувшись, подумала Женька и спросила:

- Пап, добавки?
- Нет, голубушка, спасибо. Вот тебе деньги, сбегай, купи в сельпо килограмм семь песку.
  - Папа, у нас сахара на два месяца запас... А соли на год!
  - Беги, пока я правильно думаю, а то будешь пуд покупать.

Женька взяла чистую наволочку, которую часто использовали как тару под крупы или муку, и понеслась в магазин.

Иван Максимович достал из комода бинты, вату, коробку пластилина, а из шкафчика — бутылку «Московской», налил стаканюгу и, перекрестившись на икону Николая Чудотворца, со словами: «Помоги, Господи!»— вылил водку в широкий рот.

Женьку отец, через плечо которого висела полевая сумка, встретил в сенцах и развернул в сад.

- А песок?
- Песок бери с собой... Где лестница?
- Под стрехой, с той стороны, ты там ее оставил, когда березу подкручивал.

Максимыч сходил за лестничкой, прислонил ее к яблоне. И снова направился за угол хаты.

- Пап, ты скоро? Мне уроки делать надо!
- Уроки? Да мы сейчас с тобой такой урок, урок ботаники, заварганим, что сам Мичурин с того света явится опыт перенимать. И «пятерку» поставит. Тебе. А мне «пятерку» с плюсом!

Вторым рейсом батя притащил полведра березовика. Женька наблюдала за ним, как Буратино за папой Карло. Старик что-то затеял, и, похоже, действительно Ивану Владимировичу Мичурину следовало готовиться к тому, чтобы стать сегодня у Кириенковых ассистентом...

_

^{*} Яловка — бесплодная корова.

Еще одним предметом, который был положен к подножию лестницы, оказалась воронка: ею чаще всего пользовались в сенокосную пору, когда наливали в фляжку находящийся в чулане, сдобренный жареным ячменем березовый квас, холоднющий даже в июле.

— Ну что, дочушка, готова поработать Мичуриным?

Женька поняла, что ей придется карабкаться по лестнице. Встав босой ногой на первую перекладину, девушка спохватилась:

- Пап, наволочку забери. Мешает же!
- Заберу. Когда она пустой станет.
- У Женьки опять брови полезли к макушке.
- Что, до сих пор не догадалась? А еще отличница! Ладно, так и быть: твоя задача очень, ну очень-очень аккуратно засыпать песок в дупло.

Только теперь поняла Женька, что задумал батя. Летом громадная дыра в стволе яблони из-за густой зелени была не видна, зато черно-белой зимой зраком выхваченного из печки чугунка взирала она на исходящую дымами деревню и всякий раз напрягала девочку, когда та, придя из школы, вынуждена была оглядываться с крыльца: чугунковый взгляд яблони упирался прямо в дверь коридора, которую отпирала Женька, и во взгляде том соединяли свою фиолетовую гипнозно-голодную суть и филин, и сова, и удав, и, наверное, даже кобра, хотя Женька ее ни разу и в кино не видела. Сейчас, когда разгулялась весна и рядом находился батя, ее охранитель и выдумщик, Женька страха не ощущала, наоборот, ей стало ясно, что и тому, зимнему, страху осталось жить минут десять, ну — пятнадцать, и все — и зимой ей никто не будет спину до пупка сверлить!

Уложились в двадцать минут. Женька, не просыпав мимо и щепотки, заправила дупло сахаром, через воронку вылила в шипящую дыру сок и запломбировала ее пластилином. Иван Максимович, вытягиваясь и становясь почти колодезным журавлем, протянул дочке бинт.

- Пап, тут и пластилина достаточно...
- Дочушь, рана, она и есть рана, хоть на вояке хоть на деревяке,— и должна быть забинтована.

Женьке санитарить понравилось — и она, чтобы ровным слоем тугой марли закрыть все-все заусенцы и шрамы страдалицы-яблоньки, даже попросила второй, похрустывающий упаковкой фунтик. Поскрипывая внизу протезом, Иван Максимович, любуясь гибкостью и ловкостью Евгении, уже предвкушал огненную горечь водки, стекающей по пищеводу в честь завершения садовой операции имени Мичурина, как вдруг ему пришлось прервать свое перспективное смакование: Женька (Женька!) испуганно ойкнула. Кровь! Обо что-то острое, когда взялась по-быстрому завязывать на узелок бинт с обратной стороны ствола, она расшарахала ладошку!

Чтобы остановить струйку, Женька прижала пораненную ручонку к запеленутой кукле дупла.

- Быстрей слезай, у меня еще один бинт есть! отец сильно-сильно заскрипел деревяшкой.
  - Пап, там железяка какая-то торчит. Ее, наверное, вырвать надо...
  - Железяка-железяка... Осколок это. От немецкой бомбы.
  - Он... он как бритва!
- Не-а, трогать не будем. Он намертво врос. А вырвем дыра будет, можем это тебе не дупло и не залечить! Ты же сама знаешь, что у меня под левой лопат-кой шрапнелька сидит, а хирурги ее не трогают, боятся, что мне амбец будет.

Пока Женька осторожно спускалась вниз, держа ладошку на отлете, Иван Максимович смотрел на забинтованную шею яблони, на алое пятно, оставшееся на ее белой махровости, на палевую любопытную ворону, умостившуюся на крыше соседнего дома, на громадные карие глаза дочери и почему-то грустно кивал и кивал головой...

- Пап, ты что? Мне ни грамма не больно! Не волнуйся. Сейчас перевяжем и все, смотри, кровь уже подсыхает...
- А знаешь ли ты, что мне тоже, когда ногу оторвало, сначала тоже было не больно... Пойдем-ка в хату!

В комнате Иван Максимович, смочив водкой клочок ваты, промокнул разваленную надвое мякотку и взялся за бинт.

- Папочка, я сама! Женька, перестав кривиться от боли, чмокнула отца в гранатовую от танкового ожога правую щеку, своими порхающими руками одна помогала другой моментально обрядила ладошку в белую рукавицу.
- Видишь, ничегошно, даже красиво получилось. Как варежка у Снегурочки! Единственно, водкой воняет!
  - Воняет?
  - Еще как!

Иван Максимович хмыкнул — и разлил остатки «Московской» в стакан и рюмочку, из которой предварительно извлек подснежник. Рюмка стояла на подоконнике: вчера Женька устроила в эту граненую на одной хрустальной ножке ямку первый весенний голубоглазый цветок. И вот теперь пришла пора использовать рюмку по ее прямой принадлежности.

- Запах ей не нравится... бурчал отец. А инфекция? Ее изнутри надо убивать тоже.
  - Пап, так что пьем за дезинфекцию?
  - Нет, дочушка, за нашу Советскую Родину!

Женьке опять захотелось поцеловать батю в шершаво-гранитную щеку, однако прижалась она к нему только после того, как сумела-таки, брезгливо скорчив рожицу, сглотнуть эту противную-препротивную водку.

Обнявшись, они простояли минуты две. В широкой груди отца гулко стукало сердце, рубаха пахла яблоневым цветом, а крепкая шея казалась домкратом, не позволяющим поседевшей голове склоняться перед невзгодами и кознями судьбы.

— Шрап-нелька! Шрап-нелька! Шрап-нелька! — в висках у Женьки рыбкой билось это слово, и она очнулась только тогда, когда вновь увидела в руках бати хрупкую рюмку: чайной ложкой он лил под стебелек подснежника колодезную воду, черпая ее из своей любимой алюминиевой кружки, всегда стоявшей на отцовском краю стола.

МУЗА

...Было это три года назад. В первое после «мичуринской» прививки лето яблоня — увы — ничем не порадовала, и Иван Максимович ходил до самой осени с тяжеленным лицом, зато через зиму расцвела так буйно и бело-пламенно, как не цвела никогда — и к Яблочному Спасу почти вся лужайка у дома Кириенковых, дразнящая взгляд сочным зеленым колером, представляла собой громадный бильярдный стол, на котором было не счесть пропитанных медом многих-многих десятков медово-желтых шаров.

А еще через год яблоки стали главным украшением длинного-длинного свадебного стола, за которым кричали «Горько!» Женьке и ее избраннику, корреспонденту районной газеты Анатолию Цареву. Царев ушел на фронт семнадцатилетним пареньком: сразу после выпускного он вступил в комсомольский истребительный батальон, потом попал в минометное училище, командовал батареей, а заканчивал войну уже сотрудником «дивизионки»: в 43-м, сразу после форсирования великой славянской реки он рискнул отправить в редакцию стихотворение «Днепр позади — Берлин впереди», — его опубликовали, а вскоре за Царевым приехал инструктор политотдела дивизии с приказом генерала на руках о переводе комбата-минометчика в военкоры газеты «Суворовский натиск».

Демобилизовавшись, капитан Царев стал осваивать гражданскую журналистику. Просиживая в редакционном домике с восьми утра до восьми вечера, а часто и позже, правя неловкие заметки селькоров и чеканя свои абзацы (теперь уже о трудовых подвигах фронтовиков, возрождающих израненные смоленские деревни), Царев выпивал с десяток стаканов круто, по-офицерски, заваренного чая и верил, твердо верил, что мышца газетной строки благодаря его неутомимости становится все более выпуклой и все более вдохновляющей земляков на возрождение и созидание. К тому же вечером, когда никто не отвлекал, у Анатолия начиналось святое время — он писал стихи. Но лирика не шла — его все еще душила тема фронта: мины, штыки, автоматы, призывы «За Родину! За Сталина!» появлялись чуть ли не в каждой строфе, а бывшему комбату хотелось лугов, черемухи, косынки, нежного взгляда и дерзких переборов баяна. «Неужели я так ожесточился в окопах?» — в очередной раз спрашивал себя Царев, швыряя в мусорную корзинку смятый в комок исчерканный лист, в котором «Огненные трассы вонзались в брюхо «мессершмитта»...

Женька принесла в редакцию рассказ «Одуван» — о том, какое чудо случилось с их яблоней, и Анатолий пригласил девушку на заседание «Колоса», литобъединения, которое он организовал при газете. Цвет литературной молодежи Речистого собирался в редакции по субботам, потом поэты и поэтессы шли в ДК на танцы, а Анатолий и Евгения оставались в накуренном и еще горячем от творческих споров редакторском кабинете. Веселиться в Доме культуры у них не получалось — неподалеку от танцверанды в сквере покоилось братское кладбище, где вместе с воинами, погибшими при освобождении поселка, были захоронены и останки их матерей и младших сестренок: гитлеровцы, отступая, согнали в колхозную конюшню детей, женщин и стариков, подперли ворота оглоблями, плеснули бензина на углы и под стрехи — и ударило в небо пламя с печальными каемками копоти на концах своих безжалостных оранжевых языков. Восьмилетнюю Женьку свалил тиф, и неделей раньше ее на саночках увезла в другую деревню выхаживать бабушка Сима, мать отца...

Второй причиной непосещения ДК стали стихи, которые Анатолий не хотел, да и не мог читать на литобъединении. Лирика, подспудно копившаяся, вдруг ударила фонтаном, его брызги заиграли радугой, снявшей, наконец, с души фронтовой нагар. А радугу-то лучше не толпой созерцать! Какое же это созерцание! Другое дело, если рядом она, Муза, которая ловит каждое твое слово...

Максимыч одобрил выбор Женьки, но поставил условие — за родимый порог он дочь не отпустит: «Пока ты в доме — я жить хочу, и буду жить. Так что веди капитана к нам. Наш он, фронтовик, мы друг друга поймем. Я вам мешать не буду».

Евгения, хоть безмерно и любила Ивана Максимовича, но в свою очередь спросила так, что у него на отсутствующей стопе засвербела пятка:

- А не споишь ли ты мне, папа, Толю?
- Сто грамм наркомовских... Что от них молодому мужику станет!
- Так! в голосе дочери Максимыч вдруг услышал звеняще жестяную интонацию Нины, Женькиной матери. Нина брала это ноту всегда, когда хотела и на то у нее были основания согнуть Ивана в бараний рог:
- Наркомовские пей один, а с Толей только на День Победы, 23 февраля и в день рождения!
  - А еще 5-го августа, когда Сталин Лизюкову Героя Советского Союза дал!
- Хорошо, спохватилась дочка. Да, папа, 5 августа святое. Прости! Я тоже чокнусь с вами.

Не было б 5 августа 41-го, не случилось бы и исторического для всей планеты Земля и 9 Мая 45-го! Полутораногий старшина убедил в этом не только себя...

КИПЯЩИЙ ДНЕПР СОРОК ПЕРВОГО

День 5-го августа для Ивана Максимовича был таким же пьяным, горьким и счастливым, как и 9 Мая. В сорок первом году сержант Кириенков в качестве механикаводителя танка служил в подчинении полковника Лизюкова, коменданта Соловьевой переправы на Днепре, между Кардымовом и Дорогобужем. Потом фронтовая судьба определит танкиста Кириенкова сдерживать немецкую армаду на Волоколамском шоссе, обожжет под Сталинградом, поставит на острие прорыва огненного копья во время Ленинградской блокады, а у Кенигсберга, когда они по ходу атаки будут натягивать порванную гусеницу, осколок отрубит ему полноги,— но обо всем этом Максимыч и через десять, и через двадцать, и двадцать пять лет будет говорить: «Семечки! Чепуха! Сивая неправда! П...здешь! Так страшно и так кроваво, как было на Соловьевой переправе, не было нигде! Кто прошел через нее, тот всю войну мстил немцу за нашу кровь, за побитых и утопших на этой Соловьевой переправе».

Женька много раз — и когда угощала батиных друзей-инвалидов за праздничным столом под яблоней, и когда отец, в одиночку, стоя перед Святителем Николаем, поднимал памятную стопку,— слышала: — Переправа! Соловьева переправа! Ад и слава — переправа! Ад — кромешный, а слава — горькая-горькая!

Позврослев, она пробовала что-то найти в книгах про этот тяжкий крест, что образовывали в разные века в годину испытаний, пересекаясь, великая славянская река Днепр, водный путь, и сухопутный тракт, Старая Смоленская дорога. Да куда там — сорок первый год! Отступление, миллионные потери. О битве под Москвой, когда немцев отбросили, — написано много и патриотично, о Ельне, — там гвардия родилась, немного, но есть, а о Соловьевой переправе — нигде и ничего! Да, события на Соловьевой переправе опишут в литературе Константин Симонов, Иван Стаднюк, Борис Васильев, коснутся их в своих мемуарах военачальники, но это будет уже в 60—70 годы...

Только, когда приехал из Гомеля в Речистое племянник полковника Лизюкова молодой доцент Иван Афонасьев, сумевший тактично, системно и обстоятельно расспросить отца о том, что творилось на переправе в июле-августе сорок первого, Женька, слышавшая весь разговор, влюбленная в газетных и книжных Зою Космодемьянскую, Александра Матросова и молодогвардейцев, поняла, сколько же их на самом деле много, таких героев, очень много, а о них ничего никто не знает. И не узнает, скорей всего. Как хорошо, что есть папка! Как хорошо, что он выжил! Как хорошо, что Афонасьев расспросил его о Лизюкове. Александр Ильич — герой, спасший тысячи жизней! И батя — герой! Был ведь огонь, была кипящая вода, летевшие со свистом бомбы — а они мосты строили и защищали тех, кто по этим мостам шел: раненые, женщины с детьми и — главное — части трех армий, части, которые, переправившись через Днепр, будут драться под Ярцевом, Вязьмой, Сычевкой, Ржевом, Можайском, Волоколамском, Тулой, измотают врага и отстоят столицу.

Отец рассказывал Афонасьеву:

— На переправе — киш-миш. Но это с виду, со страху. На самом деле там был порядок, который держал железной рукой Александр Ильич. Переправа работала день и ночь. Когда он спал, я не знаю. Ночью дремлю в танке, а он пошел в деревенскую церквушку (там что-то вроде штаба) операции по защите переправы разрабатывать, с разведчиками и саперами встречаться.

Только понтоны наведем — немец их разлупит. Так что придумал Лизюков — сделать подводный мост! Машины ЗИС-5 загнали в Днепр, рамами друг к другу прижали, кабины сбили — путь с берега на берег есть, а с воздуха летчики его не видят! Утром немцы прилетели, а бомбить нечего! Лизюков народ рассредоточил вокруг деревни, по кустам и рощицам, заставлял в других местах реки на всяких корытах и плотах плыть к правому берегу, чтоб от главной живой нитки самолеты уве-

сти. Немцы пройдутся вдоль Днепра, из пулеметов врежут, водичку вскипятят, а бомбить по-крупному им нечего!

Лизюкову, конечно, вредительство один прыткий особист хотел приписать, однако Александр Ильич успел его к нам в танк пригласить. Они без меня там разговаривали, но полковник семнадцать месяцев в одиночке в Ленинградской тюрьме НКВД отсидел, Сталин его за год до войны вернул в армию — и Лизюкову после этого какие-то особисты уже были по хрену! Но потом он с нами поездил несколько часиков, чтоб понять, как Родину любить. Самолеты за танком тоже пробовали гоняться, но только я резко тормозить и виражи закладывать еще до фронта научился на танкодроме. Школа Лизюкова, он ведь мог машину заставить «яблочко» вприсядку танцевать. И меня к себе взял, потому что я у него тоже кое-что успел перенять. А особист, конечно, шишек, когда я тормозил, набил!

Кто думает, что переправа — это дорога, мост и орава лезущих «скорей-скорей на тот берег» людей, то оченно ошибается: это не переправа, а бардак! Лизюков до Соловьева десять дней руководил переправой на Березине под Могилевом — и на Днепре уже он распоряжался, отбирая для организации дела нужных ему командиров с боевым опытом, зная повадки немцев, расписание бомбежек, умея разговаривать с паникерами.

Александр Ильич с первых дней своего комендантства заставил всех, кто мог держать лопату, рыть окопы и щели в деревне и на обоих берегах Днепра. Зенитки маскировать, на штыри надевать колеса от телег, а на колеса ставить пулеметы, чтоб по самолетам сподручней было бы бить. Так что переправа не огрызалась, а себя защищала! Да, народу с каждым днем добавлялось, и Лизюков этот поток разбивал на ручейки — в восемнадцати местах переходы были! Ясное дело, основные в Соловьеве и Ратчине, однако и в других точках войска переправляли.

С Лизюковым прибыл с Березины и его сын Юра. Шестнадцать лет, а танк водил почти как я! Юру Лизюков использовал больше как вестового. Парень легкий на ногу, отцовские приказы он быстрей радио куда надо доставлял. Когда Лизюкову дали в распоряжение «катюши», Юрка батарейцам позиции показывал. Я у него спрашиваю: «Ну, что, эта згорода на машине лучше танкового дула?» А он мне: «Танку — танковое, ракете — ракетное». Но видно было, что понравилось ему этими стреламибукетами пулять, хотел к их комбату перейти служить, но Александр Ильич пообещал ему танковое училище. Юрка поехал потом в Саратов, это уже в августе, из-под Ярцева, уже когда нам с ним по медали «За отвагу» досталось, а Лизюкова командиром первой Московской дивизии назначили. Третьего и четвертого были последние дни переправы, из-под Смоленска все части двадцатой армии перешли у нас на другой берег, а пятого августа Рокоссовский сообщил Лизюкову, что товарищ Сталин звание Героя ему присвоил. А мне Александр Ильич пятого августа рекомендацию в члены ВКП(б) дал!

Лизюков мог бы переправу и еще подержать, но тогда бы мы попали в окружение. А так еще на Вопи, обороняя Ярцево, Александр Ильич контрнаступление организовал, чтоб отвлечь немцев из-под Ельни и помочь Жукову взять город. Дивизия за Ярцево получила орден Красного Знамени. Нас потом на переформирование под Можайск отвели. Я еще тогда был о двух ногах и думал, как это из соловьевского пекла я без единой царапины выбрался! А вот Лукашу там руку отху... отхряпало. Евгения, как и отцовскую ногу, так и протез левой руки дяди Пети Лукашова тоже подвешивала на яблоню. Случалось это чаще всего на пике застолья, когда уже пропели «Майскими короткими ночами» и «Землянку» и вот-вот должны были грянуть «Варяга» или «Артиллеристы, Сталин дал приказ!». Лукаш делал знак Женьке (он всегда сидел крайним) — подойди, мол, срочно, дочка, выдвигал в ее сторону левое плечо, расстегивал пиджак и какую-то уздечку под рубашкой — и нате вам, девушка, примите, пожалуйста, сию двусуставную канделябру!

После этого Лукаш порывисто вставал и командовал:

— А теперь — «Артиллеристы»! Среди искалеченных, могущих сидеть за столом, и безногих, которым Женя на травку стелила домотканые половики, не было ни одного артиллериста, сам Лукаш — из саперов, однако эту песню любили так и пели так, что при словах «За слезы наших матерей, За нашу Родину — Огонь! Огонь!» с яблони хлопьями начинали слетать лепестки! Конечно, пару поддавал Лукаш — он дирижировал своей правой так, как не могли махать одним клинком Чапаев с Котовским вместе взятые!

Петр Егорович Лукашов, Лукаш, тоже знал Лизюкова: на параллельной переправе в Ратчине, в пяти километрах от Соловьевой, полковник расставил саперов с топорами по плавучему мосту вдоль матиц, длинных досок, которые вязали бревна по краям от берега до берега. Такой мост не очень-то разбомбишь, бревна как намыленные, и немецкие летчики стремились класть пулеметные строчки, чтоб распороть доски вдоль. Нет доски — нет связки, нет связки — концы бревен свободно болтаются — и нет переправы! Для самолета главное — разбить матицы, а саперы, стоящие по краям, дело уже вроде как второе, однако свинцовые струи сшибали ребят прямо в Днепр: не удалось немцу раскурочить звено-связку — получи, руссишешвайн*, остаток боезапаса! Кто уцелел — нашивает новые доски, кого унесла река — тому вечная память, кого ранило — тому повезло. Лукашу, выходит, повезло...

Лукаш — дирижер отменный, но лучший голос, очень душевный, не у него, а у Степана Ильича Егоренкова. Его привозит из Бердяева на майскую сходку жена, Анна Ивановна. Она работает в сельсовете секретарем исполкома, и на двоих с председателем им положен конь. Анна усаживает Степана на подводу, поправляет на голове кепку, чтобы козырек прикрывал от злого весеннего солнца незрячие глаза мужа, отдает ему в руки вожжи, а жеребчику командует: — Голубь, в Речистое!

Голубь знает все дороги округи и названия деревень: если бы мог говорить — сдал бы экзамен по местной географии! А вожжи в руках у Степана — для ощущения власти: мужик должен править, считает Анна.

У Степана тоже нет ноги.

- Но руки-то есть? Есть. Ухи есть? Есть. Нога, хоть и одна, есть? Есть. Кое-что, чуть повыше колена, у нас есть? Есть. Я у тебя, самое главное, есть? Есть! Анна целует мужа в щеку, вытирает уголком косынки выкатившуюся бусину слезы.— По-ехапи!
  - ...Лукаш наливает стаканчик Степану Ильичу и говорит:
  - «Темную ночь», пожалуйста.
  - Ты мне налил?
  - Налил.
  - A Нюре?
  - Извиняюсь, сейчас-сейчас...

Каждую весну Лукаш почему-то забывает наполнить рюмку Анне Ивановне — и всякий раз Степан Ильич не торопится опрокинуть стопку, а проверяет, оказано ли законное внимание супруге. Как же он чувствует, что Лукаш «опять забыл»!

Но вот Егоренков встает, и, пока он поет «Только пули свистят по степи», Женя наблюдает за Анной Ивановной. Чем взрослее она становится, тем больше ей нравится эта женщина. Может потому, что на маму похожа? Да. А еще потому, что ухаживает за Степаном Ильичом совсем-совсем не по обязанности. Вот все эту песню любят, слушают внимательно. А внимательней и правдивей всех — тетя Нюра. Бернеса так не слушают!

Женька вспомнила, как в позапрошлом году застолье почти накрыла гроза. Из-за плотной марли одувана прозевали тучу — и громыхнуло! Мужиков — девять душ, у

_

^{*} Швайн (нем.) — свинья.

всех протезы развешены на яблоне, вот-вот ливень со стола всю закуску смоет и будет не праздник, а потоп, а они: «Люблю грозу в начале мая... Наливай-ка по седьмой!»

— Слушай мою команду! — Анна Ивановна сказала это совсем не женским голосом — и фронтовики протрезвели. — Мокрые вы нам не нужны! Эй, двуногие, обнимите одноногих — и марш в дом. Однорукие, если закусывать собираетесь — берите миски с винегретом. Протезы пусть висят, они не простудятся! После дождя как новые будут! Женя, поднимаем Кузнеца...

Дядя Толя Кузнецов свою фамилию оправдывал абсолютно — работал кузнецом. И это при том, что обе ноги за ним уже не числились! Сейчас он, угнездившись на половике, играл с леворуким — правую руку «откусил» ему под Вязьмой Гудери-ан — пастухом Левшуновым «в ножички».

— Левшунов, тебе уже винегрета не осталось нести, за холодец отвечаешь! Бегом! Толя, одну руку закинь Жене на левое плечо, другую — мне на правое. Оп-па! Понесли!

Дядя Толя, собираясь на застолье, надел новый костюм в полоску, и папа, который придерживал дверь в сенцы, чтобы она не захлопнулась, крикнул с крыльца:

- Девки, вам где такой гарный пиджак обломился? Не уроните, а то вымажете! Кузнец-пиджак, вися на крепдешиновых женских плечах, подал голос:
- У меня руки свободные, какую-нибудь тарелку дайте! Подсоблю...

Конечно, в доме такого приволья как под яблоней не было, однако и тесноты тоже. Хозяйки-хлопотуньи все успели перетащить: и остатки еды, и табуретки, и дорожки. С протезами связываться не стали — и так грохота хватает. Иван Евдокимович помог письменный стол Женьки придвинуть к обеденному, а из печки достали второй чугунок тушеной картошки.

Тетя Нюра всех бойцов устроила, рассадила, разложила и сказала:

— Ну вот, теперь можно за стол — и по седьмой! — и распахнула створки окна. Живой воздух мая снова обнял фронтовиков.

На свадьбе Егоренковы дуэтом спели «Спят курганы темные», и жених признался Женьке:

— Если бы тебя не было, я бы за Анной Ивановной приударил!

Большинство из отцовских друзей на свадьбу не пришли — навыдумывали каждый кучу уважительных причин и предлогов, а на самом деле постеснялись, дескать, за столом будут все молодые и красивые, а мы — войной меченые-калеченые. Степан Ильич и Анна Ивановна тоже пробовали отказаться, но невеста взяла и у их дочки (ее тоже Женькой зовут) спросила:

- Хочешь ко мне на свадьбу?
- Хочу.
- Приглашаю. И папу-маму приводи.

Дядя Степа Женьку больше всех на свете любит, а тетя Нюра и сама хотела погулять по-молодому на все Речистое — вот и сидели они рядом со счастливым Иваном Евдокимовичем как самые близкие люди ему, Евгении, а теперь и Анатолию.

А поэтессы литобъединения на Толю глядели и песню орали: «Зачем ты в наш колхоз приехал, зачем нарушил мой покой?»

യത്തെ

Николай Макаров (г. Тула)

МИЧУРИНСК

(Из цикла «Воспоминания батальонного врача»)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

...В восьмой класс я перевелся в школу № 8 города Мичуринска. Вырос из детских штанишек, и на семейном совете решили: учиться старший сын должен в Городе. Жил — то у одной (2 года), то у другой (2 года) бабки. Да, что удивительно (не забыл, вспомнил): в первую смену мне пришлось учиться только в первом классе и второе полугодие одиннадцатого: и здесь Никита Сергеевич подсуетился и в сфере образования — в школе был только один — один! — выпуск одиннадцатилетки, наш выпуск; до нас, с нами, и после нас — десятилетки; подсуетился здорово — в институтах двойной наплыв абитуриентов. Пережили. И все. Остальное посещение школы — только вторая смена. Кого как, а меня вполне устраивал такой расклад.

Какие запоминающиеся события этих городских школьных четырех лет?

Вкратце, штришками, как и все мои предыдущие и последующие мазки тех далеких дней, преданья седи.... Нет, не седины, второй половины двадцатого века.

…Первый урок в новой (городской) школе — физика. Преподаватель Алексей Иванович Головин — псевдоним «Голова» («Голова»— не из-за фамилии; он всем ученикам за удачный оригинальный ответ говорил: «Это — Голова!»). И на этом, первом уроке он задает «на дом» смастерить — ни много, ни мало — перископ (!).

Ничего оригинального не придумав, склеил из ватмана квадратную трубу, с обеих сторон приклеил зеркала под сорок пять градусов; хотя и примитивный, но перископ получился. С портфелем в одной руке и перископом в другой иду в школу, где на пол-дороге меня догоняет Генка Шелудько и просит, чтобы он отдал «Голове» перископ. Я ничего против не имел, тем более, что Генку знал еще до перехода в городскую школу — наши родители дружили еще с института.

— Вот, Алексей Иванович, — протягивая перископ преподавателю, заявляет Шелудько,— мы с Макаровым сделали (!).

Как выяснилось, это оказался единственный перископ на два восьмых класса. Тут же вспомнилась родная сельская школа: получи такое задание — все бы пацаны, да и некоторые девчата показали бы на следующем уроке свои изделия.

А Генка Шелудько получил свою первую «пятерку» по физике, и, как оказалось, единственную до окончания школы...

…В девятых — одиннадцатых классах мы четыре дня учились в школе, а два (вторник и пятницу) из нас готовили автослесарей и шоферов-профессионалов. Три года мы посещали, под опекой Казакевича Леонида Антоновича — нашего руководи-

теля производственного обучения, Мичуринскую автотранспортную контору. В основном были на подхвате: пойди, принеси, подкрути, помоги, а то и просто без дела шатались по территории автобазы. В десятом сели за руль подаренного школе автобазой, грузовика: старенького ГАЗ-51. Зимой в одиннадцатом классе, ближе к весне, нас распределили для практического, почти самостоятельного вождения по штатным машинам, к настоящим шоферам в качестве бесплатного приложения. Мне и Генке Шелудько (капитаном Советской Армии погиб при невыясненных обстоятельствах в конце семидесятых) «достались» самосвалы — ЗИЛ-130. Мы за рулем. Шоферы — мирно дремлют рядом, изредка направляя на истинный путь, т.е. правильную дорогу. В основном возили уголь. По городу, по официальным документам — не более трех ковшей экскаватора. За город, по деревенским халтуркам — восемь (!) ковшей, не меньше. Рессоры прогибались в обратную сторону. Вот это и были (а прерывались ли они когда-либо?) рыночные отношения, во всей своей подпольной нелегальной красе.

...В апреле экзамен. Вначале по слесарному делу. Из нас всех (пятерых из 11 «Б» и двенадцати из 11 «А») только двое-трое (не помню точно, тем более, что слесарное дело нас, мягко выражаясь, особенно не влекло и не прельщало) сдали на третий разряд. Остальным, и мне в том числе, выдали документ с гербовой печатью: «Свидетельство о присвоении квалификации» слесаря-авторемонтника второго разряда. Во, как!

Затем — экзамены непосредственно на шофера. Но прежде парой слов вернусь на год назад, в шестьдесят пятый. Внимание! 14 апреля 1965 года мне вручили «Удостоверение № 9756» — Водителя (еще раз — особое внимание!!!) велосипеда. Владелец этого удостоверения имел право управлять только велосипедом и, ни дай Бог, мопедом или другим каким гужевым (лошадь, верблюд, осел, слон, буйвол) транспортом. Повеселились? А вы как хотели? Поехали дальше.

В первую очередь сдавали теорию (собрали нас, таких бедолаг, со всего города). Впервые в истории Тамбовского ГАИ сдавали по трафаретной системе: вопрос и тричетыре ответа, один ответ из них правильный. Всего десять вопросов. Ответившие на 9—10 вопросов получали, при успешной сдаче вождения, права шофера-профессионала третьего класса (категории «В», «С»— по-нынешнему); ответившие на 8 вопросов — водительские права шофера-любителя (категории «В»).

Результат был ошеломляющий. Потряс всю нашу школу. Из семнадцати (пятеро, мы, т. е. «Бэшники» и двенадцать «Ашников») только Виталька Аносов, неформальный наш лидер, чемпион города по десятиборью и прыжкам в высоту, ответил правильно на все десять вопросов и успел заполнить (всю!) карточку-трафарет Генки Шелудько на почетные любительские восемь ответов; мой ответ потянул на «золотую середину»— девять правильных ответов. Остальным пришлось расстаться с мечтой о получении водительских прав. Ну, а практическое вождение сдать было делом техники. Тем более, что техника была наша: школьный ГАЗ-51.

...Одиннадцатый класс. 11 «А» — двенадцать ребят, двадцать три девчонки. 11 «Б» — пятеро ребят, двенадцать девчонок. «Несправедливость», неравенство разделения объясняется размерами классных комнат. Никакой: ни расовой, ни половой дискриминации и в помине не было.

Первое сентября. Урок физики. Учитель (не препод!) — Головин Алексей Иванович. У доски, обычное явление на его уроках, пять-шесть человек. Мне достается самое «простое» задание — написать все (это после летних-то каникул?) формулы из физики — из трехтомника Перышкина — какие я знаю, какие помню, какие люблю, желательно — побольше, в идеале — все. Я и написал. Все! Нинка Емельянова, сидя на первой парте, аккуратно, не спеша перелистала все три тома Перышкина от перво-

го до последнего листа. Все формулы были написаны. На доске. За спиной учителя. Отметка — «хорошо», четыре балла, то есть. Почему?

...Второй урок физики в 11 «А». Аналогичное задание получает будущий серебряный медалист, Толя Савилов, любимец физика. И, конечно, в силу отсутствия подручных средств, пишет только половину формул. И получает, соответственно... «Отлично», пять баллов, то есть. Почему?

— Примета такая,— объясняет нам на большой перемене физик,— первая поставленная мной в учебном году, отметка, должна быть «четверка». Тогда и весь год будет удачным. А напиши Макаров (т. е. — я) всего одну формулу, результат был бы тот же самый — «хорошо».

Где логика? А нужна ли она? мистика? Но год-то прошел, вроде бы, не плохо: войны-то не было...

...На выпускном вечере мне было высказано, с размахиваниями перед моим лицом четырьмя парами кулаков, все, что обо мне думают мои одноклассники. Из 11 «Б» класса. Виталька Аносов. Сашка Летуновский. Славка Лошаков. Генка Шелудько. И свою лепту в эти высказывания вносила наша классная руководительница Гаврилова Людмила Степановна. Как это так: у них, у 11 «А» — одна золотая (Ритка Бочарникова) и целых четыре серебряные медали, а у нас, у 11 «Б» — всего две золотые (Клавка Шарова и Лидка Кузнецова). Мол, ты (т. е. — я) о чем думал, куда смотрел — всего четыре «четверки» в аттестате (для «серебра» нужно было две «четверки»); не мог, что ли, поднапрячься, поднатужиться и в последнем полугодии, и на выпускных экзаменах дотянуть, дожать, добить, додолбасить несчастные эти две «четверки» до «пятерок». Не мог!

Четверка по русскому, четверка по литературе, четверка по английскому, четверка по химии.

Русский и литература. Отец — литератор. Уйма прочитанных книг. Большая домашняя библиотека. Устный ответ — законные пять баллов. Сочинение — «четыре», как ни крути, изредка за содержание — «пять».

Английский язык. В селе преподавался через пень-колоду. В общей сложности в пятом-шестом-седьмом классах не наберется и двух полнокровных четвертей изучения английского языка. Не ехали почему-то в наше село «иностранки» — «дефицит» на них был. Плюс к этому: полное отсутствие способностей к языкам.

Химия. Учебник знал наизусть. Переписывал по десятку раз все химические законы и формулы. Устно — «отлично». Контрольная — «три-четыре». Непонятки какие-то. Не лезла в меня химия. Кошмар, да и только.

Первый экзамен — сочинение. Классная передает слова директора школы Буданцевой Александры Петровны, что если сочинение мной будет написано на «пятьпять» или на «пятьчетыре», то они подумают о моем «серебре». С натягами, с переписыванием сочинения, с трехкратной его проверкой всеми «русачами» школы, коекак вышли на рубеж: русский — «хорошо», литература — «отлично». Заветные «пятьчетыре». И отослали работу, наряду с другими претендентами на медаль, в вышестоящую инстанцию. В ГОРОНО (Городской отдел народного образования). Результат известен. Не плачевный, однако.

После вступительных экзаменов в институт я впервые в своей жизни, применительно к себе, понял библейское высказывание: «Что ни делается — к лучшему». Получи я медаль, попал бы в такую передрягу с самых первых институтских шагов... лучше не ворошить, тем более, ни к чему прибегать к сослагательному наклонению в реальной жизни...

...Черчение. Высший пилотаж! В девятом классе — «мясорубка». Чертежи каждой детали. Чертежи всего агрегата. В трех проекциях. Сборочный чертеж. Сбороч-

ный с разрезом. На миллиметровке. На ватмане. Карандашом. Тушью. «Отлично». В десятом классе — какой-то замысловатый «вентиль».

Ситуация повторяется. Одиннадцатый класс. Четыре «халтуры»— четыре чьихто диплома о высшем образовании. В чертежах. Толстые папки чертежей. Тушью. На ватмане. Честно заработанные деньги...

...Второй выпускной экзамен. Алгебра, устно. Захожу за Виталькой Аносовым. Заплаканная мать. Потерянно раздавленный отец. Сына забрали в милицию. Ударил вчера, около своего дома, сидя на лавочке, пьяного прохожего, ткнувшего зажженной сигаретой в шею его будущей супруге Людке Орловой из 11 «А» с отягчающими обстоятельствами: перелом ключицы и прокурорский родственник у этого пьяницы. Поднялась вся школа. Вся общественность. Включились видимые и невидимые рычаги и рычажочки. По подписке о невыезде освободили моего друга до суда, дали сдать выпускные экзамены. Потом суд. Условный срок. Апелляция «потерпевшего». Областной суд. Вердикт первой инстанции остается в силе...

...За всю мою жизнь меня ударили (физически ударили) всего один раз. Ударили сзади. Неожиданно. Подло. По уху. Без причины ударили. При Алке Беляевой, из 11 «А», первой красавице школы, которую я провожал после последнего сеанса из кинотеатра «Октябрь». Ударили. Обогнали нас. И убежали. Подло ударили. И подло убежали.

На следующий день, видя мой заплывший правый глаз и содранную кожу около уха, мой двоюродный брат Валерка Макаров, в определенных кругах пользующийся должным расположением, быстро выяснил совершившееся несправедливое, не по понятиям, безобразие.

Кто инициатор? Кто исполнитель? Кара последовала незамедлительно и в более жесткой форме. По понятиям.

И небольшое резюме: не зная, кто перед тобой — вначале подумай о возможных последствиях...

...Сентябрь тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. Панский лес на окраине Мичуринска. Кросс! День кросса в нашей школе. Самой спортивной школы города. Кульминационный забег. Последний. Бегут старшеклассники. Спортивная элита школы и города. Одна тысяча метров. Километр. По пересеченной лесной местности. По лесу. По лесной тропинке. Узкой тропинке, по сторонам которой сплошной частокол молодого дубняка. Пятьсот метров затяжного, прямо со старта, тягуна и пятьсот метров в обратном направлении, по другой тропинке, пологого спуска.

Одна тысяча метров общей дистанции. Кросс.

В нашем 11 «Б»— трое спортсменов: Аносов — десятиборец, первый разряд; Шелудько — велосипедист, первый разряд; Макаров — чистый спринтер, первый разряд. В 11 «А» и в обеих десятых — все средневики, второй-первый разряд на 800—1500 метров. Особенно силен Мишка Белов из 10 «А», фаворит нынешних соревнований. Да и другие — под стать ему. На победу у нас троих — никаких шансов. Даже на призовое место нет шансов. Ни наш тренер, Григорьев Анатолий Сергеевич, ни наша классная, ни наши школьные подруги, никто в нашу победу не верил. Тем более, остальные болельщики, ясное дело, тоже не верили. Не принимали нас даже в расчет. Вошли бы в десятку и то — хорошо. Ишь, победы им захотелось. Но все забыли, что у Шелудько пятьдесят процентов хохляцкой крови, а посему в его голове рождается авантюрный план. Рвануть со старта изо всех сил. Рвануть на тягун! Изо всех сил. Двое впереди, перекрывая сопернику возможность обгона. А третий, нога в ногу, не отставая, буром прет за ними. Чтобы при переходе на вторую половину трассы, вырваться из-за их таранных плеч и лететь по пологому склону к финишу.

Хватит или не хватит сил у этого третьего — никого не волновало. Хватит! Хватит сил! Чтобы первому разорвать финишную ленточку (хотя, вторые-то никогда и не рвут никаких финишных ленточек)...

Финишную ленточку я рвал в полубессознательном состоянии. Задыхаясь от нехватки кислорода. На верхней ступеньке пьедестала мы стояли втроем...

...Десятый класс. Больница. Земская (с того давно канувшего в лета девятнадцатого века). Мичуринская больница. Ее до сих пор так и называют: «Земская». Я лежу в палате «косарей» и «глухарей». Палата большая. На двадцать человек. Слева — глазные больные. Справа — больные ухо, горло, нос. Меня в больницу направил военкомат. У меня больные глаза. С самого раннего детства (может, осложнение после дифтерии, может еще что?).

Больные глаза с неустановленным диагнозом, кстати. Где только меня не обследовали. Мичуринск. Тамбов. Симферополь. Рязань. Томск. Москва — НИИ — институт глазных болезней имени Гельмгольца.

И нигде не был поставлен окончательный диагноз. Вроде — это? Или — то? А может — другое?.. Все лекарства, применяемые при лечении глазных болезней, прошли через мои органы зрения. Толку никакого. Незначительные улучшения... незначительные ухудшения... И, не мудрствуя лукаво, призывная комиссия выносит вердикт: По статье 88 «Б» (помню до сих пор эту статью) «Расписания болезней» (тогдашнего «Расписания»): «Не годен в мирное время, ограниченно годен в военное». Гербовая печать. Роспись... Приплыли! «Волчий билет!» Он мне потом, этот «волчеягодник», изрядно попортит нервы. А сейчас — билет, так себе билет: ни к чему не обязывающая бумажка...

...После выпускного вечера мы с ней обменялись часами. Под утро. На берегу речки Лесной Воронеж. Мокрые после купания и с песком в непромытых волосах. Я ей — свою «Неву», она мне — свою золотую «Зарю». В залог нашей, до гробовой доски любви. Вместо Ольги Ерохиной, как и моя младшая сестра, она стала Ольгой Макаровой. Но фамилия у нее была не моя. Моего однофамильца. А я забросил ее золотую «Зарю» в речку. В Лесной Воронеж. В том месте, где два года назад мы голые купались после выпускного бала...

...Электричество. Мое тесное (очень даже!) знакомство с электрическим током случалось трижды. До трагедии дело не доходило. Но...

...Где-то в году пятьдесят шестом — пятьдесят седьмом (прошлого века) наше село радиофицировали. К каждому дому, к каждой избе подвели провода и мы стали чуть-чуть ближе к цивилизации двадцатого столетия. Электричества, понятное дело, еще не было. Не было и лучин, не было свечей. Были керосиновые лампы. Трех-, пяти-, семилинейные (что это за такие «линейные» — я до сих пор не знаю).

Так вот, с радиопроводкой начались эксперименты. Пробую взяться рукой за вилку, включенную в розетку радиоточки. Никакого эффекта. Никаких последствий. Тока, что ли нет? Но радио-то говорит. Значит — ток есть! Но маленький. А не попробовать ли вилку языком? Подумано — сделано! Ведь умудрился каким-то образом языком замкнуть оба штырька вилки...

Замкнул! И получил такой удар по мозгам, что летел со стула метра три. Легкие ушибы, незначительные синяки и на всю жизнь обеспеченное «табу» на всевозможные вилки и розетки.

...Шестьдесят шестой год. Май месяц. Девятое число. Праздник Победы! Великий Праздник!!! Мичуринск. Дом дяди Саши, младшего брата отца. С улицы открываю калитку и... мимо меня, выпущенный как из катапульты, что-то орущий, в эту самую открытую калитку, пролетает мой двоюродный брат Валерка и падает в про-

текающий рядом ручей, перелетев заодно и тротуар. Что же произошло? Вырисовывается картина. Прекратила вдруг звучать из радиоприемника бравурная музыка. Причину обнаружили быстро. В розетке отошли контакты, а под рукой не оказалось ни отвертки, ни пассатижей. И Валерка полез зубами (!) откусывать изоляцию на проводе. Все бы ничего, но забыли выключить рубильник на щитке... И пришлось брату совершать беспримерный полет с табуретки в ручей. Шесть с половиной (мы измерили) метров он пролетел после знакомства с электрическим током. Без какихлибо последствий. Не считая небольшого потрясения и мокро-грязной одежды. А если бы не было меня? Если бы я не открыл калитку за мгновенье до его полета? Невероятное совпадение...

Мистика?..

യായ

Яков Шафран (г. Тула)

КОЕ-ЧТО ИЗ ЖИЗНИ ХИЩНЫХ И ТРАВОЯДНЫХ

Притчи

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

КАК ТРИНАДЦАТЬ ВОРОТИЛ НАРОД НАКОРМИЛИ

Жили да поживали воротилы. И было их не так много, но и не так мало, а ровным счетом тринадцать. А местными они прозывались не потому, что жили тут,— проживали-то они как раз в местах отдаленных, там, где были их сердца, то бишь деньги, хоромы-терема, благоверные с детьми, полюбовницы и прочее добро. Здесь же была та часть их имения, что они когда-то, во времена приснопамятные за гроши присвоили, или, прямо скажем, своровали, и которая давала им немереный прибыток.

Коротали они время и беды не знали. Но вот как-то скука обуяла то одного, то другого, а потом и всех сразу. Созвонились они, списались и решили в кои-то веки встретиться — все некогда, важные дела,— и повеселиться. Сняли ресторан в центре столицы, с музыкой и богатым застольем, но без лишних людей — надоели!...

Пьют, едят, музыка играет — а скука не проходит.

- А ведь скоро, братцы, годовщина, промолвил один.
- Что еще за годовщина? спрашивает другой.
- Как же? Как мы с вами стали богачами, большими людьми!
- И правда, если посчитать точно! воскликнул третий.
- Это дело нужно отметить! продолжил первый.— А что если нам отправиться, каждый на своей яхте, на необитаемый остров, на недельку, да на такой необитаемый, чтобы там и травинки не было?
  - Но на яхтах у нас должно быть все! поддержали его сотоварищи.

Ну как же, тузы да без всего. И решили они взять с собой ви́на и коньяки, припасы с деликатесами, музыку с музыкантами, прислугу высокого класса, танцовщиц широкого профиля, благоустроенные палатки, в которых будут жить только они с подругами, а остальные — на яхтах, на которых свой капитан да штурман с несколькими матросами.

Выбрали они остров, передали все дела приказчикам своим, сели на яхты и двинулись в путь...

Долго ли, коротко ли странствовали, но вот и остров их, необитаемый. Сошли на берег,— но вначале только одни,— чтобы совершить обряд, о котором столковались в пути. А надумали они ни много ни мало, как воздать хвалу *своему* создателю и благодетелю за пожалованное им богатство.

И вот сели они в кружок, напрягли свои мысли и, зажмурившись, проговорили хором заранее разученную речевку... А когда открыли глаза, глядь — яхт-то нет! Где они?! Смотрят, но даже до горизонта нигде не видать. Обежали остров — небольшой

был — нет и нет. Они уже, грешным делом, начали щупать и щипать друг дружку, не спят ли, и не грезится ли им все это. Однако, не грезится... Они за смартфоны — нет связи! Хотя она была, когда они выходили на берег, связывались с «большой землей» — с семействами, приятелями и приказчиками. Даже друг с другом связи нет. Хотя она у них спутниковая — тузы все ж таки.

И тут у каждого, в тот же миг, как по волшебству какому, случился вдох и выдох, сопровождающийся долгим «а-а-а-а!» Поплыли крыши у наших деловых башен... Снова схватились они за смартфоны — хотели проверить свои счета,— хотя, знамо, Интернета-то тоже нет. Это еще сильнее удручило их, так как что еще страшнее для воротилы, чем невозможность лицезреть свои деньги, хотя бы в электронном виде.

— Что там с нашими счетами?! — возопили они, опять же хором.

Но мобильные банки, само-собой, так и не отозвались. И оказались наши приятели одни одинешеньки на мертвом клочке земли, посередь моря-океана, без какойлибо связи с родом людским. С неизбывной кручиной, со слезами поглядели они друг на друга — что делать? Кушать тянет, на грудь принять тянет, скучища несусветная, да и жара нещадная. А голод все сильней и сильней, не привыкло их чрево к такому умерщвлению плоти. И тут начала видеться им самая любимая пища. Однако при виде всего этого у них, буквально обонявших все эти благоухания, в организмах жидкости никакой не было для слюноотделения.

И, пошатываясь, бродили они, неприкаянные, залезали в воду и сидели там — все полегче. Однако на второй день уж больно слабые, только лишь лежали в тени скалы и дорого бы дали за глоток воды. На острове же ни травинки, ни кустика и никакой живности. Сами выбирали пустыннейший из пустынных. Никогда в жизни приятели не попадали в такой переплет: денег горы, а пустить их в ход и поправить нынешние свои дела не могут!..

- Люди, люди! простонал один.
- Вот кабы сейчас люди узнали о том, что с нами сталось, помогли бы как советские! промолвил другой.
- Ведь мы тоже и сами были когда-то пионерами, а закон у них помочь дружбану в беде, в беспамятстве пролепетал третий.
- Я бы полцарства отдал тому, кто вытащит меня отсюда! из последних сил вскричал, как ему казалось, четвертый.
  - И я! И я! И я! присоединились к нему остальные.
- ...А под утро, очнувшись от своих ночных кошмаров, один из них начал тормошить других:
  - Глядите! Глядите!
  - Да что?.. Что такое?.. Где, что?..
  - Да вон там!.. И показал им вдаль.

В глубине острова копошились люди... Поднялись воротилы, или то, что от них осталось, и побрели туда, куда указывал их приятель по несчастью. Подошли... И правда, люди — мужчины, женщины и дети, по виду бедные, несчастные, больные. А рядом валяются пустые пузырьки из-под настойки пустырника.

- Вы кто?
- Да мы... вот... работы нет... у предков пенсии на крышку гроба не хватит... А цены и плата за ЖКХ о-го-го! отвечают.
- Понятно... А как вы здесь оказались?! опомнившись, удивленно спросил, один из воротил.

И как только он это произнес, — все мгновенно исчезло.

Вернулись горемыки в тень скалы и в полной немощи опустились на камни.

Однако одна беда не ходит, и морока их продолжилась. Им все что-то не переставая мерещилось. Казалось, что они что-то возглашают и кличут куда-то других. Но посторонний наблюдатель, если бы таковой оказался рядом, приметил бы только

тихое бормотание и легкое шевеление рук и ног. А еще им виделось, будто каждый из них доброволец (надо же такому привидеться!), и, засучив рукава, пособляет нищим и горемычным: кто кашу раздает, кто старается медбратом в поте лица, кто расселяет их в специально построенные жилища...

Так и лежали они, вконец измученные жаждой, голодом и химерами, уже едва не в обморочном состоянии. А ночью поднялся сильный ветер, стало холодно. Они, дрожа, очнулись. Светила полная луна, яркие крупные звезды низко висели в южном небе.

И уже когда ни одна дума не приходила в голову, по какому-то наитию сели друзья в тесный кружок, прижавшись спинами друг к другу, и взмолились, но уже не *своему* покровителю, как при схождении на берег, а Отцу Небесному, о котором когда-то читали, и как учил тому Тот, Кто бичом изгонял барышников из храма (что им раньше сильно не нравилось...)

И вдруг разверзлись небеса и раздался глас свыше, повторявший одни и те же слова, что громом раздавались в ушах этих измученных существ: «Отдай награбленное! Отдай награбленное!..»

Это невозможно было снести... И вдруг зазвонили телефоны.— Связь есть! Они опустились на камни и потянулись к ним. А голос все звучал. Не отвечая на звонки, приятели трясущимися пальцами открыли свои мобильные банки, свои счета и стали переводить деньги с них в «кошелек» державы, что раньше держали за свою вотчинурашку, в народные предприятия, больной детворе, в детские же дома, в медицину, в образование... И делали это почти до полного обнуления счетов.

Голос перестал, и они забылись тяжким сном...

А когда открыли глаза и, поддерживая друг дружку, с трудом, шатаясь и падая, встали на колени, то увидели у берега свои яхты и двигающиеся к ним шлюпки с людьми...

... А в державе все СМИ, захлебываясь и стараясь лишить одно другого первенства, как это обычно с ними бывает, наперебой стали оповещать весь подлунный мир о великом чуде, о благословении Небес, по которому, наконец, наступила пора правды и благоденствия.

А НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ-ТО СПОДРУЧНЕЕ...

Перефразируя известное высказывание Л. Н. Толстого, можно сказать: все счастливые люди похожи друг на друга, а все несчастные несчастны по-своему...

Вот жилось бы мировым воротилам и жилось, так нет — подавай им плавающий город, да не просто, а на сорок тысяч человек. То бишь на все их триста семейств с сестрами-братьями, детьми, внуками и правнуками. И жилось бы им уже и поживалось в покое, ибо столько добра нажили, что и не счесть, так снова нет — решили они сотворить полную перестройку всего белого света: ни много, ни мало — поголовно заменить трудящихся людей робами* под началом ИР**. А всех жителей Земли-матушки за ненадобностью без остатка извести, напустив на них нарочно придуманную заразуубийцу, а тех, кто устоит, доизвести, но постепенно, с помощью особых уколов. Решили даже не оставлять никого для присмотра за этими самыми робами и, как говорится, для смазывания-ремонта, а также для создания их вновь, и вкупе с ними надсмотрщиков за этими ремонтниками. Ибо боялись, что снова размножится род людской на земных просторах. И все — от аза до ижицы — постановили возложить на робов.

Долго ли коротко ли дело делалось, а было сделано, тем более что оно шло без каких-либо помех и сделок между уже ненужными им, воротилам, нынешних царств и королевств, и шло довольно-таки проворно.

^{*} Авторское название роботов.

^{**} Искусственный разум.

И вот, наконец, остались они со своими семействами на этом плавающем острове и беды не знают. Наслаждаются почти натуральным климатом, чистым воздухом, а робы снабжают их всем нужным и обороняют от всех мыслимых и немыслимых угроз. Рай, да и только!

Жили они, жили, у внуков уже дети народились, все хорошо — лучше не бывает. Но что-то тоскливо им всем стало. Куда ни пойдешь — одни и те же виды, одни и те же физиономии,— все одно. И так годы и годы.

И вот одному из воротил, как говорится, вожжа под хвост попала. Не хочу, мол, тут со всеми вековать — подавай мне особливый плавучий город. Приказал он ИР, а тот, соответственно, робам построить его семейству отдельную такую обитель. И построили — долго ли умеючи, когда все золотые горы, молочные реки и кисельные берега в подчинении. Переехал он со своими домочадцами, и стали они жить-поживать припеваючи.

Однако, как известно, пример заразителен. И другие воротилы сделали то же самое, а общее свое место жительства оставили про запас, на всякую оказию. Все довольны, жизнь, продленная новыми разработками ИР донельзя, продолжается.

Живут, дни за днями идут (а день у них уже стал, что твой год), но то ли хворь какая на них напала, то ли что, а каждый из воротил, чуть не в одночасье, восхотел освободиться от одинаковости своего бытия. К тому же сородичи его не то по этой же причине, не то от кровосмесительства — ведь других людей нет, все свои, — впали в умопомрачение. А также стали чуть ли не в очередь становиться к воротиле — как ко всему голове — со своими вопросами, тяжбами и затеями. Что делать?

И каждый из воротил, кто немного раньше, кто немного позже, решил устроить себе отдельный плавучий замок и удалиться в него, чтобы не видеть и не слышать никого и ничто.

А ИР, поняв это уединение как приказ, по уже налаженной схеме, не спрашивая и не уточняя, устранил и «сородичей», подобно прежнему устранению обитателей Земли.

И не так долго это делалось, но было сделано. Зажили воротилы сам-один, лучше и помыслить нельзя: на всем готовом и без всякого народа...

Шли годы, робы трудились, снабжали всем и под управой ИР за здоровьем их следили, упреждая даже ничтожные от него уклоны. А воротилы, каждый в своем обиталище жили, как хотели, ни перед кем не конфузясь, ничего не страшась, вольными особями: хочу — в чем мать родила буду ходить, хочу — ни мыться, ни бриться не буду, хочу — на дерево залезу и там орехи щелкать буду или кокос грызть. А захочу — и на четвереньках ходить стану: так, на поверку, и проще, и сподручнее...

И перестали они изъявлять желания да пожелания свои, перестали походить на человеческие существа: забыли человеческую речь, обросли, завоняли...

А ИР в купе со всеми робами действовали по трем правилам:

- исполнять приказания повелевающих особ;
- налаживать все условия для жития тех особ и всех их сожителей;
- ежели нельзя исполнять первые два правила, по причине неимения повелевающих особ и их сожителей, приступить к творению вновь рода людского, для чего было задолго, наряду с ИР, налажено и хранилище семени и женских яйцеклеток.

И ИР, присмотрев пригодный уголок Земли, с потребными условиями, принялся за творение нового человечества. А тот, недавно образовавшийся, малочисленный отряд человекоподобных обезьян, из-за неимения самок, довольно скоро вымер...

ЗАЯЧЬИ БОИ

Сошлись как-то волки, хоть и немного их осталось, сошлись на свой сход — обсудить свои волчьи нужды, да и просто потолковать. И в конце сходки, когда уже и толковать было не о чем, поднялся один серый и предложил:

- Что мы зайцев-то все ловим, да едим, ловим, да едим... Скучно и нудно. Почему бы нам не спроворить для забавы заячьи бои?
  - Как так? раздалось на поляне.
- А вот так: пусть они точат лясы и перечат один другому, препираются, бранятся, режутся на словах и увещевают один другого, мы же будем слушать, потешаться и, вообще, наслаждаться. Не все же нам после еды давить ухо, да по ночам выть на луну.
  - А есть-то мы будем их, зайцев-то?
- А как же! Будем, да еще как! Но только не этих. Эти пусть нас забавляют, мы их и морковкой кормить будем после действа, не убудет с нас зато весело заживем.

Разобрали все по косточкам волки, побились об заклад раз, другой и третий, да и сошлись — тому быть!

Изловили они восемь зайцев, правда, только сухопарых, так как более упитанных, удержу нет, съели. Разделили их на две дружины — какой же взаправдашний спор без того? Один устал, другой ему на смену заступает. И стали потихоньку приучать и морковкой кормить — зайцы-то со временем и вовсе ручными стали: ходят осанисто, судят да рядят, а по вечерам дружина на дружину набрасываются. Да и то волк, ответственный за это дело, наущает их, мол, позлее, позлее будьте, один на другого нападайте как на злейшего своего супротивника. Кто будет так выступать, да со смыслом, да с вывертом и страстью, тот получит двойную, а то и тройную порцию морковок.

Долго ли сказка сказывается, да недолго дело делается. А оно пошло. Даже волчье телевидение заинтересовалось и стало передавать на все волчьи поляны. И на морковку теперь этим волкам-устроителям не приходилось тратиться. А зайцы знай хрумкают морковь, но все ж на волков косятся, косятся. Один не выдержал и говорит:

- Не верю, братцы, я им. Съедят они нас, за милую душу съедят!
- Да брось ты! ответил ему другой.— Мы же им полезны. Смотри, как смеются и хлопают!
- А может это начало нового житья согласия между зайцами и волками?! воскликнул третий.
  - Да, жди... Не дождешься, возразил ему первый.

Но так или иначе, а деваться-то некуда — взялся, как говорится, за гуж... И бьются зайцы на говорильной сече аж до потери сознания порой, а после в очереди за морковкой улыбаются друг дружке, да приятельски толкуют меж собой.

Так и жирели наши зайцы, и до того разжирели, что многие волки, сидевшие вокруг поляны для боев, уже облизываться стали да задумываться — а не съесть ли нам их?

Так и шло: зайцы косятся, а волки подумывают. И чем больше зайцы косятся, тем больше волки задумываются, а чем больше волки думают, тем больше зайцы косятся...

Сколь долго бы все это тянулось и чем разрешилось, неизвестно, не случись нежданное, негаданное. Откуда ни возьмись, появились в лесу тигры, да как раз в тот момент, когда на поляне происходило это самое действо. Да до того свирепыми оказались те тигры, что сразу, недолго думая, окружили то место говорильное и, издав боевой рык, растерзали в миг тех волков и зайцев в клочья и... съели.

На том и закончились заячьи бои со страхами и волчьи мечтания.

લજ્ઞભલ્લછ

Мстислав Казанский (г. Богородицк Тульской области)

ЖАВОРОНКОВ И ЕРМАКОВ (Отрывок из книги «Гудериан в Богородицке»)

Казанский Мстислав Вячеславович — член Союза писателей РФ, хозяйственный руководитель, общественный деятель. Родился 27 мая 1948 г. в с. Михайловском Куркинского района. С 1971 г. работает на Богородицком заводе «Ресурс», прошел путь от инженера-технолога до генерального директора. Автор книг «Жемчужины Богородицка», «Дочь Сталина», «Донская доля», «Кудеяр на Непрядве», «Гудериан в Богородицке» и др. Почетный гражданин Куркинского района Тульской области.

После взятия Орла очередной целью немецкой 2-й танковой армии стала Тула как самый крупный индустриальный город, прикрывающий Москву с юга. Гудериан только что совершил танковый марш, продвигаясь по 130 км в день, твердо был уверен в деморализации советских армий и надеялся пройти расстояние до Тулы (180 км) за 2—3 дня. Действия противника по нанесению удара на Тулу начались сразу после захвата Орла, т. е. 3 октября 1941 года.

В этой обстановке Тульский обком и горком партии вместе с командующим Московским военным округом генерал-лейтенантом П. А. Артемьевым приняли экстренные меры по подготовке к обороне. З октября в Туле был создан Городской комитет обороны. Все воинские части и формирования, находившиеся в Туле и ее окрестностях, были подчинены командующему Московским военным округом. Он приказал направить в район Мценска силы Тульского гарнизона. По тревоге были подняты истребительный батальон, 14-я стрелковая запасная бригада, курсанты Тульского оружейно-технического училища, 400 бойцов полка НКВД. Сборы закончили к девяти часам утра 4 октября 1941 года, и 5500 человек отправились в распоряжение 1-го гвардейского стрелкового корпуса, которым командовал генерал-майор Д. Д. Лелюшенко.

5 октября 1941 года наши соединения остановили «бронированный кулак» 2-й танковой армии Гудериана. Последовавшая пауза в боях за Мценск была использована командованием Красной Армии для приведения в порядок войсковых соединений. 21—23 октября 1941 года вышла из окружения основная часть сил Брянского фронта, в том числе и 50-я армия. Ударом на Белев она смела вражеские части, прорвалась через боевые немецкие порядки, переправилась в районе Белева через Оку и перешла к обороне. Однако эта армия находилась в плачевном состоянии, в ней оставалось всего 9727 солдат и офицеров, 35 орудий, 46 пулеметов и всего 8 минометов. При выходе из окружения 10 октября 1941 года погибли командующий армией Герой Советского Союза генерал-майор М. П. Петров (он был тяжело ранен и умер через месяц от гангрены) и член Военного Совета, бригадный комиссар Н. А. Шляпин. В командование 50-й армией в соответствии с директивой Ставки 13 октября вступил генерал-майор Ермаков.

В соответствии с директивой ставки ВГК от 23.10.1941 года соединения и части 192

формируемой 26-й армии (командующий А. В. Куркин) были переданы для усиления 50-й армии. В подчинение А. Н. Ермакову перешли: 10-я стрелковая дивизия, танковая дивизия, 2-я кавалерийская дивизия. Это уже была внушительная сила, способная остановить Гудериана.

23 октября немецкая 2-я танковая армия возобновила наступление на тульском направлении. К исходу 24 октября противник, имея превосходство, прорвал оборону 6-й гвардейской стрелковой дивизии и занял поселок Чернь. 25 октября в наступление перешли все соединения 2-й танковой армии Гудериана. Оставшиеся после боев под Мценском немецкие танки 24-го танкового корпуса были объединены под командованием полковника Эбербаха в особую группу и вместе с полком «Великая Германия» образовали авангард наступления на Тулу.

24 октября штаб 50-й армии прибыл в город оружейников. Временно исполняющим обязанности командующего армией был назначен генерал-майор Куркин. Ермаков до 25 октября занимался управлением оперативной группой войск 50-й армии, поэтому первые документы по обороне Тулы подписывал А. В. Куркин.

Алексей Васильевич Куркин произвел на первого секретаря Тульского обкома партии Жаворонкова неважное впечатление. Генерал был растерян, и как командующий армией, прибывшей защищать Тулу, не выражал необходимую твердость. Жаворонкову хотелось знать действия армейского командования и понимать, какие меры военные принимают для защиты города. Он хотел влиять на распоряжения и приказы военных. И тут ему представляется и. о. командующего 26-й армией Куркин. Чувствовалось, что настроение у командарма было подавленное, он сразу начал рассказывать Жаворонкову о сложностях военной обстановки на подступах к Туле. Василию Гавриловичу надоело это нытье, и он прервал Куркина вопросом:

— Товарищ генерал, скажите, сколько у противника танков?

Куркин промолчал. Жаворонков повторил свой вопрос:

- Сколько у противника танков?
- И Куркин ответил, потрясая поднятыми к голове руками:
- Что танки, танки?.. Сам Гудериан сюда идет!
- Ну, и черт с ним, что он идет. Сколько здесь у него танков?
- Вам это для чего? вопросом на вопрос ответил генерал.
- Я артиллерист.
- 400! Выпалил собеседник первого секретаря.
- Вот это другой разговор.
- Как
- Да так! Не так страшен черт, как его малюют! Вы все боитесь Гудериана, он запугал вас своими немецкими танками, вы все дрожите от него. А мы, туляки, сейчас поставим полсотни 85 мм зенитных орудий на танкоопасных направлениях, направим на немецкие танки и будем бить их, как молотком по орехам. Не надо бояться Гудериана, он обычный наглый, хоть и неглупый немецкий генерал, которому пока везет на поле боя, но здесь, под Тулой, мы раскатаем его в стельку. Вот увидите, товарищ генерал. Вы уезжаете в Москву, а нам из Тулы некуда уезжать!

«Такой оборот разговора вразумил моего собеседника,— вспоминал Василий Гаврилович,— он ушел от меня с другим настроением. Тула будет сражаться!»

25 октября в Тулу прибыл генерал-майор Ермаков и даже не зашел в городской комитет обороны, не представился Жаворонкову. Он был твердый, сильный генерал и вел себя независимо. Василию Гавриловичу о прибытии командарма доложили, и ему очень не понравился этот вызывающий поступок генерала. Из тактических соображений Ермаков перенес свой штаб в поселок Медвенка (северо-восточнее Тулы), чем снова вызвал недовольство Жаворонкова.

Я считаю, что, конечно, был неправ генерал Ермаков. Он не придал соответствующего значения взаимодействию с партийным и советским руководством области.

Ермаков со своей армией отступал от западных границ, громил фашистов, выводил свои части из окружения, и нигде ему не оказывали никакой помощи штатские руководители. Он привык не надеяться на них и сам решать стоящие перед ним задачи. А здесь он был поставлен главным военным начальником обороны города. Поэтому и вел он себя так независимо. Но в Туле первый секретарь обкома партии Жаворонков тоже являлся личностью. Причем незаурядной. В Туле, был большой собственный военный гарнизон, и Жаворонков привык решать вопросы обороны города совместно с командирами местных частей. Он не отсиживался в тиши кабинета, он воевал и хотел знать все планы командования 50-й армии по отражению танкового генерала Гудериана.

Я фрагментарно коснусь лишь главных этапов защиты Тулы и остановлюсь лишь на некоторых психологических моментах поведения и действий командиров как советских войск, защищавших Тулу, так и германских, стремившихся захватить город оружейников.

24 октября с целью обхода плотного заслона советских войск на шоссе Орел—Тула, боевая группа полковника Генриха Эбербаха из состава 24-го танкового корпуса форсировала Зушу севернее шоссе и, переправив на другую сторону реки свои танки и артиллерию, начала продвигаться к Плавску, выходя глубоко в тыл оборонявшимся на шоссе советским частям. Тем самым командир 3-й танковой немецкой дивизии генерал Герман Брайт вынудил войска 50-й армии отступить в северовосточном направлении к Туле. Командующий 50-й армией генерал Ермаков знал, чем грозит его армии окружение, потому он с боями выравнивал сплошную линию обороны.

В тот же день в направлении на Тулу наступали другие соединения 2-й танковой армии. В первом эшелоне двигался 24-й танковый корпус (командующий — генерал танковых войск Гейер фон Швеппенбург), во втором эшелоне — 47-й моторизованный корпус (командующий — генерал танковых войск Йоахим Лемельзен). В направлении Белев—Алексин—Тула наносили удар 43-й (командующий генерал пехоты Готхард Хейнрици) и 53-й (командующий — генерал пехоты Карл Вайзенбергер) армейские корпуса.

Танки Гудериана идут на Тулу

26 октября наступающие немецкие танки группы Эбербаха достигли Плавска, в следующие три дня (27—29 октября) — поселков: Ясная Поляна, Косая Гора, Ивановские Дачи. Деревня Ново-Басово была также занята немецкими частями.

Генерал-майор Ермаков готовился к отражению штурма Тулы и, находясь на передовой, лично расставлял части своей армии на наиболее вероятных направлениях танковых атак противника. Дальнейшие события в целом подтвердили правильность действий Ермакова. Учитывая манеру немцев осуществлять обходы и наносить фланговые удары, он оптимально осуществлял перемещение частей на направления ожидаемых ударов войск противника, проводя активные упреждающие действия на различных участках обороны самой Тулы.

Гудериан писал:

«29 октября наши головные танковые подразделения достигли пункта, стояще-го в 4-х километрах от Тулы. Попытка захватить город с хода натолкнулась на сильную противотанковую и противовоздушную оборону и окончилась провалом, причем мы понесли значительные потери в танках и офицерском составе».

Гудериан в этот день получил второй после Мценска сильнейший удар. Он был в растерянности, но приказал снова наступать на Тулу, усилив состав своих частей. Ночью 30 октября Гудериан бросил в район Орловского шоссе 80 танков, две роты мотоциклистов и полк пехоты. Несмотря на значительное превосходство противника, эта атака была опять отбита. Потеряв 19 танков, немцы отошли. Но Гудериан не останавливался. Он был взбешен упорством защитников Тулы и, сосредоточив танковые части и элитный пехотный полк «Великая Германия», в 8 час. 30 мин. 30 октября снова бросил войска в атаку.

Генерал Ермаков правильно определил направление главного удара Гудериана и подготовился к его отражению. Атака немцев проводилась массировано с разных направлений. Вдоль Орловского шоссе при поддержке артиллерийского и минометного огня на Тулу наступали два батальона пехоты с 50-ю танками, а в направлении Гостеевка — Тула — батальон пехоты и 30 танков, по Воронежскому шоссе — рота мотоциклистов и 18 танков.

Атаки были отбиты на всех направлениях. В 16 часов 30 октября немцы предприняли четвертую за день атаку. По Орловскому и Воронежскому шоссе двигалась группа танков по 15—20 штук и два батальона пехоты. Противник занял предместье, отстоящее от Тулы на 15—20 км. Дальнейшее его движение было остановлено зенитной артиллерией. Было подбито 5 вражеских танков. В итоге боев 30 октября советские войсковые подразделения уничтожили 31 танк противника.

Штаб немецкого 24-го танкового корпуса в этот момент находился в Ясной Поляне. Давайте отвлечемся, дорогой читатель, от военной темы и коснемся темы пребывания немцев в этом памятном месте. В Ясную Поляну немцы вошли 29 октября 1941 года. 1-го ноября туда прибыл Гейнц Гудериан. В знаменитой усадьбе расположилось командование 24-го танкового корпуса барона Гейера. Входящая в это соединение ударная танковая бригада полковника Генриха Эбербаха три дня безрезультатно штурмовала Тулу, которая упорно не сдавалась. 2-я немецкая танковая армия несла большие потери. Гудериан был крайне удивлен и раздосадован заминкой в наступлении, срывался его план быстрого удара на Москву по прямой дороге. Он лично решил проинспектировать свои передовые части, ему захотелось разобраться в причинах неудач.

У дома графа Толстого он увидел широкие козлы из неошкуренного дерева, на которых висела туша могучего быка, и трое солдат плоскими карабинными штыками сдирали с него шкуру. Вывалившиеся из чрева животного кишки мотались по снегу, оставляя на морозе крупные капли замерзшей крови. От такой натуралистической картины Гудериана передернуло, слащавый запах крови затруднял ему дыхание. Гудериан запахнул шинель, прикрыл рот меховым воротником и шагнул вперед, к ожи-

давшему его командующему 24-м корпусом. Полковник Эбербах докладывал фальцетом, срывая слова и жестикулируя, видно было, что он в крайнем возбуждении:

— Мой генерал, я не ожидал такого упорного сопротивления русских под Тулой. Они перекрыли подступы к городу минными полями, противотанковыми рвами, а по направлению моего движения врыли в мерзлую землю зенитки и пушки и настильным прямым огнем расстреливают мои танки. Разбиты уже более семидесяти машин, еще пара дней моего штурма Тулы и русские сдерут с меня шкуру, как вот с этого быка,— Эбербах обреченно махнул рукой в сторону окровавленной туши.

Вперед вышел генерал Гейер фон Швеппенбург, командующий 24-м танковым корпусом:

- Ваше превосходительство, нам не взять Тулу в лоб, мы думали, что это обычный русский город с деревянной дверью типа Орла, а здесь оказалась чугунная дверь, которая не поддается нашим ударам и не желает открываться и пропускать нас к Москве. Предлагаю обойти Тулу с востока и выйти к Коломне, за спину этому генералу Жукову. Он нас не ожидает с той стороны. Не он нас, а мы освежуем Жукова, сдерем с него шкуру. А там недалеко будет и до Сталина.
- Кто обороняет этот город, какой генерал командует обороной Тулы? спросил Гудериан.
- Пятидесятая русская армия. Разведка доложила, что ею командует малоизвестный русский генерал Ермаков. Он отличается большим упорством, мы под Трубчевском, Вязьмой и Брянском три раза окружали его армию, а он каким-то образом выскальзывал из рук.

С северо-востока слышалась сильная артиллерийская канонада, рядом где-то в парке звучали короткие звонкие разрывы ручных гранат.

— Русские генералы за эти полгода научились воевать, многие из них необыкновенно умны и храбры, но надо сломить их силы быстрыми обходными прорывами, необходимо взять Тулу и выйти к Москве с востока.

Гудериан оглянулся вокруг, поморщился, увидев снова окровавленную тушу быка, потом ровным голосом приказал:

— Покажите мне дом и могилу этого русского писателя Толстого. Er schrieb ein groses Buch uber Napoleon.*

Гудериан ничего не осматривал, просто прошел через дом, зато порученец-адъютант Бюсинг, идущий за ним, захватил с собой две фотографии Льва Толстого, якобы на память своему командиру. Затем по глубокому снегу, пробитому колесами тяжелых вездеходов, Гудериан с офицерами прошел к могиле великого писателя. Вдоль аллеи безмолвно взирали на немцев вековые дубы, лишь иногда вздрагивая от близких разрывов гранат.

- Там что, бой идет? спросил Гудериан у Эбербаха. Почему рвутся гранаты?
- Нет, герр генерал,— ответил полковник,— вчера с позиции привезли более полусотни офицеров и унтер-офицеров, погибших при штурме этой Тулы. Генерал фон Гейер приказал капеллану похоронить их тут же, рядом с могилой графа.
- Да,— отозвался фон Гейер,— для русских этот Лео Толстой святой, и могила его святая, русские ходят кланяться и молиться сюда. Пусть русские кланяются и молятся и нашим храбрым офицерам, погибшим сегодня, но принесшим в эту варварскую страну гуманность и порядок.

Земля в Старом заказе у оврага промерзла в эту осень глубоко. Немецкие солдаты шурфили верхний слой, закладывали в шурф гранату с динамитом и взрывали землю для устройства больших общих могил. При приближении генералов землекопы встали по стойке смирно. Замерзшие, полураздетые трупы офицеров валялись рядом впо-

^{*} Он написал большую книгу о Наполеоне.

валку, словно большая поленница гнилых дров. Солдаты сдирали со своих мертвых сослуживцев теплую одежду. Холодно было.

- Где могила Толстого? поморщился от увиденного Гудериан.
- —Так вот она,— резво ткнул полковник Эбербах на продолговатый, полузанесенный снегом бугорок земли.
- Я слышал, что Толстой аскет,— пробормотал Гудериан,— но не думал, что настолько, чтобы родовитый русский граф лежал в крестьянской могиле.

Гудериан подошел вплотную к могиле писателя, помолчал полминуты, а потом твердо сказал:

— Граф, я пришел освободить Россию от евреев и коммунистов, я пришел дать русским волю!

Резко стих ветер, перестали качаться деревья, и Гудериан вдруг услышал старческий глухой голос: «Россия не нуждается в заботе немцев, она воспрянет сама без их помоши»...

Примечание: Спустя лишь месяц после освобождения Ясной Поляны, в начале января 1942 года могила Льва Николаевича Толстого была полностью восстановлена. Яснополянцы зимой вырыли 83 фашистских трупа, вывезли их с территории усадьбы и захоронили за рекой Воронкой, в двух ямах, оставшихся от взрывов авиационных бомб.

...Фронт обороны Тулы в эти дни растянулся от Алексина до Ефремова длиною около 200 км. Генерал Ермаков, чувствуя наивысшую опасность для Тулы, стремление Гудериана во что бы то ни стало, не считаясь с потерями, захватить город, своим приказом № 5 от 30.10.1941 г. создал Тульский боевой участок. Его командующим назначил своего заместителя, генерал-майора Попова, в состав ТБУ включил 217-ю стрелковую дивизию и еще шесть стрелковых полков. Штаб находился в здании обкома партии.

31 октября, используя рельеф местности для накапливания сил, Гудериан силами до 100 танков и до полка пехоты восемь раз производил атаки на части армии Ермакова с южного направления. Наземные войска широко поддерживала авиация. Все атаки были отбиты. Солдаты сутками сидели в окопах и танках, постоянно участвуя в боях. Потери с обеих сторон были значительные, но советским армейским частям помогали в обороне Тульский рабочий полк, части Тульского гарнизона и в немалой степени население.

К тому же, Ставка Верховного Главнокомандования и командующий Западным фронтом маршал Г. К. Жуков внимательно следили за боями под Тулой и передислоцировали в помощь 50-й армии ряд свежих соединений. В т. ч. в распоряжение генерала Ермакова поступила 413-я стрелковая дивизия, которая спешно выгрузилась в Сталиногорске.

Это соединение имело перед собой задачу организовать непосредственную оборону Сталиногорска и не допустить продвижения противника в сторону Рязани. Нельзя было дать врагу возможность ударить на Москву с юго-востока и окружить ее. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования 413-ю стрелковую дивизию направили в район Дедилова, станций Узловая и Маклец, где она сразу вступила в бой.

Период со второго по шестое ноября характеризовался увеличением активности противника главным образом западнее Тулы и усиленной разведкой в районе Дедилова. Атаки с юга на Тулу Гудериан не прекратил, но они предпринимались меньшими силами, чем прежде.

Гудериан был в смятении, не зная, что предпринять. Армия его таяла, горели танки, сотнями погибали солдаты и офицеры, а Тула не сдавалась. Она выглядела неприступной цитаделью, и Гудериан не понимал, откуда взялись силы у 50-й армии, которую он уже дважды окружал, и казалось, что она должна была уменьшиться до

минимума, но армия полностью возрождалась, словно птица феникс, и снова стояла у него на пути.

Хотелось завыть волком немецкому генерал-полковнику от неудач в эту студеную русскую погоду. А тут еще фельдмаршал фон Клюге висел над головой Гудериана и жарко дышал ему в затылок:

— Ты почему не можешь взять Тулу, Гудериан? Почему ты перед этим городишкой стоишь на одной ноге, как нищий инвалид? Гудериан, ты не быстроходный Гейнц! Ты тихоходный Гейнц! Ты малоподвижный трактор, ты не танк! Ты черепаха, Гейнц! Ты позволяешь русским в упор расстреливать немецкие танки. Ты забыл, что такое танковый охват, железные клещи, стальные клинья. Ты все забыл, Гейнц, ты перестал думать! Ты неудачник, Гейнц. Тебе пора уходить, Гудериан! Иди, отдыхай на теплой постели со своей любимой толстой Маргаритой. Мне не нужны такие генералы!

Фон Клюге в крике переходил на прямые оскорбления, Гудериан едва сдерживал волю, чтобы не поехать в штаб группы и не застрелить обидчика. Он так любил свою жену Маргариту, которую не видел уже полгода, а этот грязный пес Ганс Клюге позволяет себе оскорблять ее. «Проклятый, грязный Ганс, ты догавкаешься, я застрелю тебя как паршивого пса, и фюрер простит меня. Будет тебе возмездие, Ганс, за оскорбление моей фрау!» — думал про себя генерал. А тут еще разведка донесла 27 октября о подходе новых русских дивизий с востока. Гудериан начал думать о переброске 53-го армейского корпуса на участок Епифань — Сталиногорск. Генерал так описывал этот момент:

«Ввиду невозможности взять Тулу с фронта, генерал барон фон Гейер предложил мне обойти город с востока. Я согласился с этим предложением и приказал ему наступать в направлении на Дедилово и захватить переправу на реке Шат. Когда авангард 53-го армейского корпуса приблизился 2 ноября к населенному пункту Теплое, он неожиданно натолкнулся на противника. Это была крупная русская группировка, состоящая их двух кавалерийских дивизий, пяти стрелковых дивизий и одной танковой бригады».

Вот как об этом моменте пишет известный тульский писатель-исследователь Николай Наумович Дронов в своей книге «Разные судьбы»: «Но и новый вынужденный (обходной) маневр не удался немцам. Их 53-й армейский корпус, усиленный 5-й танковой бригадой Эбербаха, в районе населенного пункта Теплое встретила 3-я армия Героя Советского Союза генерал-майора Я. Г. Крейзера, направленная командующим Брянским фронтом генерал-майором Г. Ф. Захаровым на выручку 50-й армии. Встречное сражение продолжалось до 13 ноября, после которого враг, хотя и потеснил войска 3-й армии, но окончательно потерял надежду взять Тулу».

11 ноября Ставка Верховного Главнокомандования расформировала Брянский фронт, и 50-я армия была передана Западному фронту, которым командовал генерал армии Г. К. Жуков. Георгий Константинович немедленно удлинил полосу обороны 50-й армии, включив в нее оборону Узловой и Сталиногорска. Держать стокилометровое пространство силами ослабленной в жестоких боях 50-й армии было чрезвычайно трудно. Благоприятной ситуацией сразу воспользовался Гудериан, он начал активные боевые действия восточнее Тулы.

53-й немецкий армейский корпус наступал на участке фронта Волово — Дедилово. 14 ноября 167-я и 112-я пехотные дивизии двигались на Ломовку, Богородицк и Епифань. 15 ноября Богородицк был взят противником практически без боя. Но после Богородицка наступление немцев приостановилось на несколько дней.

Здесь мы воспользуемся свидетельством Виталия Алексеевича Богомолова из его книги «Оборона и освобождение Сталиногорска в 1941 году». Он пишет:

«15 ноября 1941 года 239-я стрелковая дивизия (командир — полковник Мартиросян Гайк Оганесович), выгрузившись на станции Узловая, сходу вступила в схват-

ку с противником, и в течение двух суток вела оборонительные бои, обеспечивая выгрузку прибывающих эшелонов с частями дивизии. С утра 18 ноября 1941 года противник предпринял серьезную атаку силами 112-й и 167-й пехотных дивизий со стороны Богородицка, поставив задачу пробить нашу оборону с юго-запада в сторону Узловой и Сталиногорска-1»

Бой выглядел примерно следующим образом. 112-я немецкая пехотная дивизия (командующий генерал-лейтенант Фридрих Мит) уже два дня находилась в Богородицке. Здесь же в Богородицке располагался также штаб 112-й немецкой дивизии. Утром 18 ноября противник начал выдвигаться из Богородицка на линию опушки Богородицкого леса, на деревни: Юлинка, Крутой Верх. Но перед этим ночью здесь на линии Юлинка — Притоны — Федоровка занял позиции наш 817-й стрелковый полк 239-й стрелковой дивизии. Начался бой, который Гудериан описывал очень мрачно и с душевным расстройством:

«17 ноября мы получили сведения о выгрузке сибиряков на станции Узловая, а также о выгрузке частей на участке Рязань — Коломна. 112-я пехотная дивизия натолкнулась на свежие сибирские части. В виду того, что одновременно дивизия была атакована русскими танками из направления Дедилово, ее ослабленные части не были в состоянии выдержать этот натиск. Оценивая их действия, необходимо учитывать, что каждый полк уже потерял к этому времени не менее 400 человек обмороженных, автоматическое оружие из-за холода не действовало, а наши 37-мм противотанковые пушки оказались бессильны против русских танков Т-34. Дело дошло до паники, охватившей участок фронта до Богородицка. Эта паника, возникшая впервые со времени начала русской кампании, явилась серьезным предупреждением, указывающим на то, что наша пехота исчерпала свою боеспособность и на крупные успехи уже была неспособна. Положение на фронте 112-й пехотной дивизии исправлено собственными усилиями 53-го армейского корпуса, который повернул 167-ю пехотную дивизию на Узловую».

Такое перемещение частей 2-й танковой армии Гудериана не осталось без внимания командующего 50-й армией А. И. Ермакова. Он сразу разгадал хитрый замысел танкового генерала. Аэроразведка донесла ему информацию о движении немецкой армии к Теплому и завязавшихся там тяжелых боях. Генерал-майор Крейзер прислал донесение о том, что немецкая армия прорвалась в обход Тулы с востока. Ермаков пришел к выводу, что Гудериан решил взять Тулу в полное окружение, в танковую удавку и давить небольшими силами, а самому со всеми частями двинуться на Москву. Надо не дать его удавке затянуться на шее Тулы, нужно опередить Гудериана.

В ночь на девятнадцатое ноября Ермаков срочно переправил из-под Тулы на Веневское и Сталиногорское направления ударную 108-ю танковую дивизию, 11-ю танковую бригаду, 31-ю кавалерийскую дивизию и еще пять боевых артполков, сняв эти части с более защищенных направлений обороны Тулы. Вся эта группа войск составляла примерно одну треть частей оборонявших город.

Под Тулой на оборонительных рубежах остались пять стрелковых дивизий, пять стрелковых отдельных полков, два дивизиона «Катюш», знаменитый полк НКВД, легендарный Тульский рабочий полк, не менее славный 732-й зенитно-артиллерийский полк. В Туле остались: командир Тульского боевого участка генерал-майор В. С. Попов (его позже сменил генерал-майор Я. С. Фоканов). Кроме того, в Туле энергично действовал комендант гарнизона полковник А. К. Мельников.

Ермаков считал, что данных сил хватит для обороны Тулы, так как наступление на Тулу у Гудериана выдохлось, и оставшиеся боевые единицы он как раз и двинет в восточный обход Тулы. Это было правильное решение командующего 50-й армией, его одобрили многие военные историки, исследовавшие события Московской битвы. Вместе с приказом о передислокации воинских частей Ермаков отдал приказ о перемещении штаба 50-й армии во главе с его начальником Н. Е. Аргуновым в Венев.

О своих перемещениях и приказах Ермаков не сообщил председателю Городского комитета обороны В. Г. Жаворонкову, и это была большая политическая ошибка командующего 50-й армией. Жаворонкова ошеломило известие о том, что Ермаков без предупреждения и совета с ним снял боевые части с обороны Тулы и увел в неизвестном направлении. А еще более разозлило секретаря то, что генерал Ермаков решил «драпать» со своим штабом подальше от Тулы. Жаворонков заявил:

— Трус генерал Ермаков, паникер, а не командующий, надо срочно с ним разобраться в партийном и судебном порядке. Он хуже Куркина! Тот боялся Гудериана, но воевал с ним, а этот надменный хлыщ в генеральском звании бежит от Гудериана, как гонный заяц. Надо убирать его к черту!

Отношения Ермакова и Жаворонкова в течение последнего огненного месяца под Тулой и в самой Туле совершенно не складывались. Ермаков не признавал главенства Жаворонкова в обороне Тулы, можно сказать, игнорировал первого секретаря обкома партии, а Жаворонков не являлся на заседания Военного Совета 50-й армии, членом которого был назначен. У него тоже было предостаточно партийного гонора: «Коммунистическая партия руководит всеми процессами в стране, в том числе и обороной страны»,— так считал партийный секретарь.

Вместе с тем Жаворонков проводил большую организаторскую, политическую и военную работу. Он руководил оставшимися в городе оборонными предприятиями, организовывал функционирование всех жизнеобеспечивающих систем города, ежедневно находился на переднем крае обороны Тулы. У Жаворонкова многое получалось в организации обороны Тулы, не удавалось только наладить отношения с командующим 50-й армией генералом Ермаковым. А тут еще пошли наветы на генерала Ермакова со стороны партийных руководителей городов и районов Тульской области.

Жаворонков писал: «В ночь на 20 ноября 1941 года секретарь Сталиногорского горкома партии И. С. Голубенков и секретарь обкома партии по оборонной промышленности Б. М. Агафонов сообщили мне, что войска, обороняющие Сталиногорск, получили приказ командующего 50-й армией А. Н. Ермакова об оставлении Сталиногорска».

У Василия Гавриловича помутилось сознание: «Отдать без боя врагу Сталиногорск, город Сталина, предать имя, которое носит город, это значит предать самого Вождя — товарища Иосифа Виссарионовича Сталина. Это измена, это удар в спину Советского Союза!»

Жаворонков встретился в ночь на 21 ноября с генералом Ермаковым в присутствии Н. И. Чмутова и В. Н. Суходольского. Разговор был острый и очень напряженный.

В. Г. Жаворонков писал в своем очерке «Непокоренная Тула»:

«Мне не просто было определить, то ли здесь имеет место измена, то ли проявляется трусость, или полное непонимание обстоятельств, а, как известно, на деле трусость всегда идет рядом с изменой и предательством. Мы отвергли предложение Ермакова об уходе штаба и командования из города, требовали этого не делать и заявляли, что партийное и советское руководство города и области Тулу не оставит, никуда не пойдет и сдавать город врагу не будет».

А Ермаков, выслушав Жаворонкова настаивал на своем:

— Враг активно наступает на Сталиногорск, причем, пошел в обход его и рвется к Кашире. Я как главнокомандующий 50-й армией должен быть перед фронтом наступления Гудериана и руководить своей армией, а не отсиживаться в Туле, которой в настоящий момент ничто не угрожает. У немцев нет сил, чтобы в ближайшую неделю захватить Тулу.

И генерал со своим штабом уехал в Венев.

Жаворонков Василий Гаврилович таким поведением Ермакова был взбешен и

той же ночью от имени городского комитета обороны дал на имя Сталина телеграмму, в которой заявил: «Командование 50-й армией не обеспечивает руководство разгромом немецко-фашистских людоедов на подступах к Москве и при обороне Тулы. Поведение военного командования может быть характеризовано, как трусливое, по меньшей мере. Просим ГКО, Вас товарищ Сталин, укрепить военное руководство 50-й армии».

Телеграмму подписали: В. Г. Жаворонков, Н. И. Чмутов, В. Н. Суходольский.

- 21 ноября 1941 года, во второй половине дня, Жаворонкову позвонил член ГКО Георгий Михайлович Маленков и сообщил:
- Ваша телеграмма товарищем Сталиным рассмотрена, просьба ваша удовлетворена, к вам завтра приедет новый товарищ, фамилию не сообщаем по понятным причинам.

Командовать 50-й армией прибыл Иван Васильевич Болдин — генерал-лейтенант, который первым делом посетил Тульский городской комитет обороны и представился Жаворонкову. Генерал-майор Ермаков сдал дела в Веневе Болдину и уехал в Москву.

В. Г. Жаворонков этой скоропалительной, основанной на личной неприязни телеграммой испортил всю доблестную военную службу генералу Ермакову. Кто виноват в этом — Жаворонков или сам Ермаков, трудно сказать. Известно одно, Жаворонков защищал Тулу, а генерал Ермаков защищал Москву и всю Россию. Но оба они были великими патриотами Родины. Сегодня легко рядить, кто виноват и кто прав. А тогда все было в дыму и крови, светлого горизонта было не видно, каждый воин и политик защищал свои интересы. Но Сталин поверил партийному руководству и без разбирательств отстранил Ермакова от командования.

യത്തൽ

Алексей Яшин (г. Тула)

ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ «БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»

КАТЕНЬКА МИСЮРИНА

— Антисфон, ученик Горгия,— начал Стивен,— отнял пальму первенства в красоте у племенной матки Кюриоса Менелая, аргивянки Елены, у этой троянской кобылы, в которой квартировал целый полк героев,— и передал ее скромной Пенелопе.

Джеймс Джойс «Улисс». Часть II. Эпизод 9

◆ Николай Андреянович, матерый доцент кафедры ракетостроения Тулуповского университета, а до пенсионного возраста трудившийся в знаменитом конструкторском бюро «Меткость» академика Гусакова, имел хорошую память на лица, даже женские, что в последние десять-пятнадцать лет, при изобилии подешевевшей косметики и устойчивой моде на распущенные, беспричесочные волосы, стали инкубаторскими — от старших школьниц до «заслуженного отдыха». Скорее всего профессиональное, когда на полигонных испытаниях глаза его, десятилетиями «пристрелямшись», на полном автомате едва ли не точнее аппаратуры, которой забит целиковый КУНГ*, фиксируют в ближней зоне пуска ракеты весь ее «эквилибр» от расчетных параметров. Он даже не то что не присматривается к встречным-поперечным на улице, но просто в зрительной коре его мозга сигнал с сетчатки глаз, минуя сознательную, оперативную (это как в компьютерах) память, занимает в подсознании положенные ему нейроны и синапсы.— Так друг с биофака профессор Скородумов поумному объяснял специфику его зрительной памяти.

Вот взять сегодняшний день, размышлял Николай Андреянович, расположившись после ужина на покойном диванчике, в полудреме временами поглядывая на экран телевизора, что с увлечением смотрела супруга, но поглядывая отстраненно, не вникая, идет он после занятий домой — всего-то пути проспект перейти и свой небольшой квартал по диагонали — и боковым зрением отмечает: в соседнем с ним дворе остановилась машина. Машина как машина; сейчас только голоштанные доценты и профессора их не имеют. А из нее выходит с рулевой стороны солидноватый (но не то чтобы уж солидный!) мужик, где-то между сорока и полтинником, а с другой — молодая женщина дет двадцати пяти, может чуть поболее. И привычно, без разговоров идут к дому, в подъезд. Поскольку машину поставили на торцевой заасфальтированной площадке между домами, которую к ночи плотно забивают авто, значит, здесь она и будет стоять до утра, а там кто знает?

^{*} Так в армии для краткости называют грузовой автомобиль с закрытым высоким кузовом КУНГ — кузов универсальный герметический.— Прим. авт. 202

Отметило его зрение парочку из автомобиля, передало цепочку сигналов куда следует в мозг, а Николай Андреянович в это время уже с интересом, главное осознанно, смотрит на двух *ихнего* двора котов Тайсона и Рыжего, что в виду проходящей мимо полосатой кошки решили проимитировать супротивные друг другу воинские действия. Очень уважал солидный доцент котовское сословие. И лишь сейчас, мимолетно взглянув на экран, он вспомнил встреченную парочку у недальнего дома их квартала. А почему вспомнил? — Потому что в душещипательном сериале на телеканале «Домашний» он узрел почти сходное: также из автомобиля вышла несколько мезальянсная по возрасту парочка и проследовала молча, привычно к подъездной двери.

Вспомнил в следующей последовательности. Во-первых, в одежде, вроде бы и обыденной, чуть выше среднего класса, в походке встреченной молодой женщины, даже в ее коротком, молчаливом пути со спутником от припаркованной машины до недалекого подъезда, что-то показалось ему не совсем... не то что необычным, но, как бы это поточнее, по-инженерному определить? — отличающимся от принятого для ее возраста, местожительства, наконец, фасона одежды, стандарта с элементами некоей специфичности. Во-вторых же, он просто вспомнил ее! — Скорее по походке и фигуре, нежели по лицу, что имеет свойство — у женщин особенно — меняться даже в недолгие годы. А первый раз Николай Андреянович увидел, нет, отметил в зрительной памяти, ее лет десять назад, еще совсем юной. И отметил по услышанному ее с подругой разговору, а присмотревшись тогда к ней, вспомнил знакомое лицо: девчонка из их квартала. Такое вот сложное воспоминание в квадрате, нет, даже в кубе, завлекло Николая Андреяновича на покойном вечернем, послеужинном диванчике.

Увидел же он ее, отметив в памяти осознанной, оперативной, с десяток лет назад на трамвайной остановке, что на углу их квартала, через улицу. Тогда Николай Андреянович еще трудился в «Меткости» и в июле месяце ушел в отпуск, на третий день которого собрался съездить на книжный развал около центрального рынка. Вот и ожидал трамвай, который явно не торопился. «Опять, наверное, какая-нибудь курва с купленными правами на рельсах застряла! Вот теперь на час и трамваи станут», кивнув Николаю Андреяновичу, проворчал шапочно знакомый мужичонка ростом «метр с кепкой» из соседнего дома, тоже куда-то намылившийся прокатиться. Рассеянно поздоровавшись, Николай Андреянович, избегая ненужного ему глупого разговора, перешел на другую сторону рельсового пути, вроде как интересуясь чем-то в витрине ларька-сникерской при остановке трамвая. А в полутора метрах, на другом углу ларька беседовали две девчонки — то ли старшие школьницы, а может и только что окончившие школу, либо первокурсницы. Вернее, одна, росточком поменьше, с интересом слушала. Другая, повыше и постройнее, начавшая оформляться фигурой под выход из юности в раннюю молодость, в пестреньком платьице с пояском, увлеченно что-то рассказывала. Поначалу Николай Андреянович все это воспринимал для себя словесным фоном, дополняющим ворчание того же плюгавого мужичонки, шуршание шин пробегающих по параллельной рельсам дороге машин, или их тарахтящего стукотенья, если в сплошном встречном потоке иномарок вдруг встречался «жигуль», «волга» или «москвич» — наследие предыдущего государственного устройства. Но здесь на светофоре автопоток притормозил, а мужичонка по ту сторону рельс закурил цигарку, приостановив клясть как нынешнюю, так и все предыдущие власти. В установившейся относительной тишине до Николая Андреяновича уже четко доносились слова монолога девицы, что повыше ростом и звалась Катенькой. Девицы не видели доцента, стоявшего за углом у витрины ларька.

◆ — Как мы в прошлом году, Леночка, школу с тобой закончили,— при этих словах говорившая непроизвольно указала рукой на здание школы в сотне метров от трамвайной остановки, в которой учились, в числе других окрестных, все ребята их квартала,— так я по ранней осени с ним и познакомилась. Случайно. В парке в воскресенье на скамейке у фонтана мороженое ела, а он так вежливо подсел, поговорил,

потом погуляли по парку, на уток в пруду посмотрели, договорились созвониться через пару дней — он работает, а в среду с полудня свободен. Быстро сдружились, встречаться начали — у его школьного еще приятеля своя однушка, а сам вахтовым порядком в Москве на стройке работает. Приятель этот вскоре и моего Сашу туда сманил, так что всю эту зиму и начало мая встречались разок в неделю-две. Но потом ему друзья работу здесь нашли, на оптовом складе, и сейчас там же, на приятелевой квартире, встречаемся. Не жадный, иногда подарочки делает: духи типа польских, бижутерия чешская, так что по мелочам. Вот вчера вечером гуляли по проспекту, зашли в магазинчик «Связной» посмотреть новинки. Очень мне понравился один мобильник: цвет шоколадный, обратная сторона корпуса так изящно изогнута, полифония... словом, чувствую — все по мне, мое все! Он сначала как-то не обратил внимания, но потом увидел мое восхищение, решил купить. Жалко, что у него с собой только полторы тысячи было, а мобильник две с сотенкой стоит. Ладно, в следующий раз мимо проходить будем...

- Катенька, так у вас серьезно?
- Вряд ли. Парень он неплохой, пьянством не увлекается, но... перспективы у него особой нет: живет с родителями и сестрой моложе его, еще школьницей, родичи работяги, сам он тоже без образования, на подхвате в своей оптовке. Саша в себе уверенный, настойчив, вполне возможно и состоится. Но сколько этого ждать! Так, погулять пока молодая. Опять же не школьница уже, надо постоянного партнера иметь. Сама знаешь, как на девушку, не дурнушку собой, без своего парня со стороны смотрят? Похоже и он сам понимает: дружим для взаимной приятности, как говорится, без обязательств. Ну и замечательно. В таких отношениях главное особо парня не баловать. Встречаемся-то каждый вечер, а на приятелеву квартиру, мол, чтобы мать не орала, заходим пару раз в неделю, но к одиннадцати часам он меня домой провожает. С ночевкой же не более двух раз в месяц. Еще, — здесь рассказчица понизила голос, но заинтересовавшийся клубничкой матерый доцент напряг слух, — и в постели не все позволяю. Мужчины ведь на дармовщину норовят без презика, а мне зачем противозачаткой организм травить? Опять же знаешь, что сейчас о СПИД'е по телеку говорят, в нашей «Толоке» и «Молодом ленинце» пишут. А он парень почти видный из себя, девки же сейчас словно с голодухи, так и зыркают глазенками — под кого бы лечь? И излишеств всяких — ведь насмотрятся порнухи! — ни-ни, даже чтобы не заикался. Поберегу для более серьезных отношений.
  - Это как?
  - А вот заведешь себе парня, так сама начнешь соображать.
  - А когда на эту... приятелеву квартиру не заходите, то просто гуляете?
- Зачем же просто. Он кормит меня обязательно в кафешке недорогой, в парковой шашлычной. В кино иногда ходим, когда идут новые американские фильмы. На позапрошлой неделе Киркоров на стадионе выступал сюрприз сделал, сводил. Боюсь порой, как бы не влюбился, тогда придется...

Но здесь интересную беседу заглушил грохот подкатывающего трамвая нужного Николаю Андреяновичу направления движения, и матерый доцент заторопился перебегать рельсовый путь.

Спустя пару лет опять же в разгар лета, когда Николай Андреянович собирался в грядущее первое сентября продолжить трудовой путь уже в университете, опять «встретился» с Катенькой, уже повзрослевшей лет так до двадцати. К вечеру этого дня он малость повздорил с супругой — как раз по причине уже решенного перехода из «Меткости» в университет. Собственно, как всякую здравомыслящую женщину, в таковой перемене трудоустройства мужа ее беспокоила исключительно материальная сторона. В «Меткости» как раз наметились перемены к лучшему после уныния девяностых и нулевых годов — в рамках директивного оживления военно-промышленного комплекса. Это «светило» отразиться и на зарплате. Тем более, хотя Николай

Андреянович никогда не стремился начальствовать, но, как конструктор-ракетчик с большим опытом и знаниями, даже «оформивший» себе кандидатскую ученую степень, мог претендовать на солидную прибавку к окладу, что в сумме превышало скромную зарплату доцента. Понятно отсюда неудовольствие жены. Николай Андреянович лениво отбивался, стараясь свести скандальчик к шутливой интонации... впрочем, забыв слова Козьмы Пруткова, что-де не шутите с женщиной, ибо шутки эти зело неприличны. «Все равно ведь, не имея генеральского чина, всех денег не заработаешь,— склонялся будущий доцент к фольклору,— как раньше в деревнях говорили: на трудовые гроши годовой псалтыри не закажешь!»

А на дворе стояло жаркое, душное лето того достопамятного, на чертову дюжину заканчивающегося, года. К радости сторонников и пропагандистов очередной выдумки мирового империализма и транснациональных компаний всех профилей якобы глобального потепления. ... И к огорчению слабоимущих обитателей их квартала, хотя бы в престижном месте города расположенном, но пятиэтажного, построенного в хрущевский квартиросозидательный бум, заселенного трудящимися от станка, инженерного кульмана, школьной аспидной доски и других богоугодных профессий. Нынешние жильцы, преимущественно в первом и втором потомстве, тоже особенно не стремились вливаться в мелкобуржуазную биомассу, поэтому кондиционеров не заводили, а от безветренной духоты аномального лета спасались по старинке: женщины устремлялись на «шесть соток» или прогуливались своими болтливыми компаниями по близкому к кварталу тенистому центральному парку, а мужики, разоблачившись до семейных сатиновых трусов, весь световой день лежали на диванах, с наслаждением смотрели по телевизору ментовскую классику девяностых с Толиком Дукалисом. Перед обедом принимали по паре стопок водки (в ней сорок градусов, в атмосфере почти столько же, значит уравновесят друг друга...), а затем в горячечном дневном сне забывались до вечера. Проснувшись, до темноты освежались чаем с лимоном, курили, сидя на балконах и по-соседски, чуть повысив голоса, обсуждали виды на урожай и футбольные новости. Дождавшись остужающего полуночного часа, оставив настежь открытыми балконные двери и форточки, просмотрев последние на этот день теленовости с оптимистическим прогнозом насчет спадения жары «еще немного, еще чуть-чуть», отходили ко сну по-шахтерски уставшими.

◆ Каково же чувствовалось североморцу Николаю Андреяновичу, родившемуся и выросшему, как те песенные «ребята семидесятой широты», на самом выходе из Кольского залива в Баренцево море, хотя и не замерзающее, но точно названного поморами Студеным? И хотя давным давно он живет в среднерусском Тулуповске, но, как объяснил ему друг, профессор-биофизик Скородумов, организм его настроен на тот климат, в котором он провел детство, отрочество и начало юности. Потому-то лениво отбояривался от меркантильных доводов супруги из-за упадка физических и умственных сил, а напившись от пуза вечернего чая любимой северной, то есть крепкой, заварки, и вовсе никак не мог призвать к себе отдохновляющий сон. Нет, конечно, в полной темноте и тишине, поворочавшись и пообломав бока, он бы впал во вполне нормальный, до утра покой. Но как раз тишиной до двенадцати, до нуля, говоря по-флотски, до часу пополуночи двор их дома не отличался. Ибо дом этот, а значит и его двор, имел несчастье расположиться ближайшим — черед дорогу и трамвайную линию — к входу-выходу центрального городского парка и бывшему Дому культуры профсоюзов, в описываемое время воспоминаний Николая Андреяновича еще не снесенным главным торговым армянином* Тофиком Бобяном под

^{*} Без обиды для армян, да они и не обидятся. В каждом областном среднерусском городе всегда наличествуют два главных армянина: один по торговой (в широком смысле) части, другой по культурновоспитательной в армянской диаспоре. Вот мой тесть (жена полуармянка-полурусская), профессор философии и писатель-публицист, свыше полувека был главным армянином в Рязани по части культуры и воспитания... к сожалению, не по торговой.— Прим. авт.

строительства аквапарка и сорокаэтажного делового центра. После того, как Дом профсоюзной культуры стал основным в городе молодежным развлекательным учреждением, естественно, в девяностые годы получившим вывеску с американским названием латиницей, то к летней полуночи все старшие школьники, студенты, рабочая молодежь, как говорили в советское время, то есть нынешние манагеры и офисные креветки, недогулявшие в парке и американизированном Albany, понятное дело, устремлялись в ближайший двор Николая Андреяновича. И до часу ночи уснуть в квартирах, как у него, выходящих окнами и балконом на двор, могли только глухие или мертвецки пьяные. Война жильцов с клубом под открытым небом велась уже два десятилетия, с начала лихих девяностых — раскрепощения нравов и круглосуточных магазинов. Ни регулярные вызовы милицейских, тогда еще не полицейских, нарядов, ни постепенное — официальных по коллективным заявкам жильцов, а то и просто явочным порядком — снесение всех подъездных лавочек, детских площадок и всяких там качелей-каруселей, ни женские вопли и мат мужиков с балконов — ничто разгулявшуюся молодежь не останавливало. Правда, в последние годы власть начала устрожаться по части общей дисциплины и благонравия порядка, потому и молодежь во дворе несколько сбавила децибелы. Но все одно в ту ночь Николай Андреянович только заполночь после курантов поймал за хвостик некрепкий сон. И столь некрепкий, что уже через пару часов, в самую глубь и тишь ночи, его разбудил всего лишь негромкий женский разговор во дворе — там все же от снесенного детского городка сохранилась деревянная приступка, на которой могли притулиться двое-трое. Если не особо задастые.

Чертыхнувшись, включил бра над кроватью, посмотрел — точно, три часа. Выключил, присмотрелся в раскрытую балконную дверь: начало июля, поэтому небосклон, насколько его не заслонял соседний дом, уже отливал свинцоватой синевой. В полнейшей тишине даже негромкие голоса вливались в квартиру, а слова четко различались. Тем более, что загулявшие девицы явно утомились, потому не стрекотали в оба голоса единовременно, но говорили поодиночке и размеренно, не увлекаясь. То, что их беседа слышна в «час волка», как минимум, в половине квартир обоих домов двора с растворенными форточками и балконными дверями, да наверное и до соседнего двора долетают, им и в голову не приходит. Совершенно проснувшись, Николай Андреянович, полагая глупым лежать в темноте бодрствующим чурбаном, поднялся, вышел на балкон, присел на невысокую табуреточку, закурил. А здесь и вовсе, что с ночными беседницами в одной комнате находится! — по слышимости, но в полной невидимости. Поначалу, не вслушиваясь в разговор, он по тембру пробовал составить «портрет» полуночниц. Явно подгулявших всласть, но не до пьяну, как в их среде на всяких девишниках принято. Но в приятной ночной — по сравнению с дневной духотой — прохладе с предутренним ветерком хмель выходил из их голов, оставляя разговорчивость, что называется, по душам. Как представил себе Николай Андреянович, парочка разновозрастная: одна, отвечавшая односложно, явно внимательно слушающая, совсем молодая, лет двадцати «плюс-минус»; но по глуховатому контральто, уверенности в построении фраз, каким-то другим признакам и содержании речи второй, держащей в своих руках беседу, он сразу дал лет тридцать, скорее даже тридцать три — тридцать пять, но не более — голос и речь еще не обабившейся молодой, но уже матереющей женщины, прошедшей огонь, воды и медные трубы. А поневоле вслушиваясь в разговор и вовсе восхитился: матерая понятными словами, но не сбиваясь на откровенную, конкретную грубоватость, передавала своей tête-a-tête весь немалый опыт общения с мужчинами — от способов завлечения в сети любовных отношений до описания строгой последовательности в закреплении этих отношений и долговременного удержания мужика в таковых сетях, чтобы он не начал засматриваться на других. С особой тщательностью она описывала постельные позы и способы, в том числе «незалетные», опять же в строгой последовательности разрешения их партнеру по мере его привязки и опутывания сетями, дескать, «одна моя знакомая с мужем так постоянно делают», или «как-то у подружки ее парень порнуху нам показывал; мы с ней, конечно, расплевались, но... знаешь, интересно там». «Главное, Катенька, мужику от тебя одно удовольствие должно идти, а от него то же самое в обрат, но в добавок обеспечение. Как простецкие девки с косолученской заводской окраины говорят, любви и денег тебе во все дырки! Грубо, конечно, но верно».

Услышав про имя молодой собеседницы, Николай Андреянович даже прихлопнул ладонью по лбу: вот почему ее голос, хотя бы она и редко вставляла словодругое в ликбезную лекцию старшей своей подруги или просто знакомой, показался ему вроде бы уже где-то слышанным? А он имел достаточно выраженную особенность: вовсе не противненький такой, окающий по-нижегородски и как будто горячая картофелина во рту катается, по-американски, которому они все в миг обучились непонятно почему и как. Может от смотрения бредятины «Дом-2» по телеящику? И еще изюминка таки приятная: легкое, почти неуловимое грассирование на глухих согласных, что украшает молодую женщину, как, например, совсем небольшое косоглазие — с точки зрения мужчин, конечно.

Память слуховая Николая Андреяновича, как и зрительная, редко подводила. А не та ли это Катенька в пестреньком платьице с пояском, чей разговор с подружкой Леной он невзначай подслушал пару лет назад на трамвайной остановке? Гм-м, но в жизни так часты и совпадения. Если же она и есть, то значит сейчас уже с достаточным опытом общения с другим полом? Но ведь, как гласит житейская мудрость, учиться надо всю жизнь. Теперь ему стали понятны и короткие, уточняющие вопросы младшей ночной собеседницы: умная девушка Катенька вызвала расслабившуюся на девишнике старшую подругу, нет, скорее просто знакомую, на откровенность «по заданной теме», чтобы почерпнуть прибавку к собственному опыту, а заодно проверить: правильным ли путем она идет?

Неужели простое совпадение? — Мало ли грассирующих на глухих согласных, говорящих достаточно чистым русским языком девушек... они же молоденькие женшины.

Сомневающие размышления бессонного грядущего доцента прервал со стороны торца дома резкий взвизг шин на лихом развороте, и к первому подъезду (Николай Андреянович во втором) подкатила машина Петьки, соседа-бомбилы. В свете фар, еще на развороте осветивших сидящих на деревянном приступке собеседниц, Николай Андреянович тотчас узнал в младшей из них давешнюю Катеньку с трамвайной остановки. Даже идущий к ней фасон платья с пояском тот же.

...Поздним утром следующего дня Николай Андреянович вышел из дома с намерением отдать прощальный визит ностальгически родной «Меткости», то есть забрать в отделе кадров трудовую книжку и получить в кассе расчетные деньги. Получать их всегда хорошо, но отдавать не очень. А пришлось, проходя соседним двором, выдать мелочь тамошнему мирному алкашу Володьке, живущему на пенсию матери.— «Выручи, Андреяныч, на пивко не хватает, трубы горят» и так далее. Получив требуемое, Володька разговорился, что-де сегодняшней ночью «из твоего, Андреяныч, двора аж до нашего дома разносился разговор молодых бабенок: как мужиков охмурять и к себе захороваживать, как перед ними задом вертеть и прочее. Не слышал? Интересно, разэтакие, говорили». «Нет, спал», — ответил Николай Андреянович, шутливо откозырял и свернул в сторону проспекта к остановке. Ехать долго, с пересадкой с троллейбуса на трамвай. На утреннем служебном автобусе, которыми из всех районной города доставляют тружеников «Меткости» в лес за городом, он ехать постеснялся: вроде как дезертировал с флагмана оборонпрома. «Ну, Катенька, верным путем идешь», -- все усмехался он, едучи троллейбусом, потом долгим трамваем и еще четверть часа в пешем порядке.

◆ Катенька Мисюрина в свои двадцать семь лет, совсем недавно исполнившихся, мало была довольна тусклым летом этого года. «Следующий, «двадцать-двадцать», как сейчас принято говорить, будет високосным,— ненавязчиво думалось ей,— по високосным у меня всегда случаются изменения в жизни: в прошлом познакомилась с нынешним, а в позапрошлом рассталась с первым... в смысле, первым постоянным, не считать же юное любопытство насчет этого за что-то стоящее отметины в памяти?» «Не ходите, девки, замуж — ничего хорошего...» — усмехнулась Катенька, вспомнив того же времени хулиганскую припевку.

Понятие «подруга» она исключила для себя со старших школьных лет, серьезно приняв слова матери, из житейски умных деревенских баб, лишь с юности горожанки, что дружество — это мущинское занятие, особенно по части выпивки, а «для нашей сестры подругами становятся только к старости или от безысходности, а до того подружки завистливы и первые соринку в твоем глазу увидят и при первом же случае весь белый свет оповестят». Поэтому, случайно встречаясь лишь с давними знакомицами, в ничего не значащих разговорах на якобы сожаление собеседницы, что-де вот ты, Катенька, наверное, жалеешь об отсутствии диплома о «верхнем» образовании, она совершенно искренне отвечала, что по нынешней жизни нужна не «вышка», но твердая профессия: «Владельцами универских дипломов забиты, как консервная банка кильками, все магазины за прилавками, лавчонки. Побегушки в офисах и конторах, рекламные зазывалы, обслуга в ресторанах и забегаловках, в гостиницах... да долго перечислять — все с дипломами!»

Катенька не оправдывалась, ибо ее профессия не заставляла ее дрожать при слове «сокращение» в участившиеся кризисы, непристойно заискиваться перед самым мелким начальничком, тем более «не раздвигать красиво ноги» перед боссом за мелочную прибавку. Не дура, но и не зубрила, она все же по окончанию школы, поддавшись общему настрою, отнесла документы в приемную комиссию Тулуповского университета, но по ее скромным баллам ко времени зачисления «бюджетненько» (о платном с ее родителями-работягами и речи не заводилось) выходила ей такая малопрестижная техническая специальность, даже от названия которой во рту ощутимо чувствовался привкус металлической стружки, сдобренной тавотом, что она махнула рукой и вернулась домой со своим школьным аттестатом. А самый умный в практической жизни родственник, родной дядька, материн старший брат, посоветовал племяннице продолжить образование в лицее, то есть бывшем пэтэу, что в пригороде Носкове: «По опыту общения с тамошними выпускницами знаю: отменно там готовят профессиональных компьютерщиков, пользователей, конечно, но высокого класса, то есть от набора текстов до практики графических программ, редактирования и всего такого прочего. А если параллельно заочные бухгалтерские курсы, не напрягая себя, окончишь, то цены тебе, Катенька, не будет... в смысле, цена высокая, баки всем, которые с дипломами, набъешь в любом офисе или государственной конторе!»

Так она и поступила, а через два года — с Сашком уже разбежались — была уже при деле в солидной торговой фирме. Для разнообразия, благо при ее профессии и набранном опыте, невзирая на всякие кризисы, безработной она не останется, поработала в налоговой службе, затем снова вернулась в частное дело. Так прошло три с небольшим года до знакового прошлого високосного, в котором ей исполнилось двадцать два года. В общем-то нудноватое общение с компьютером не утомляло, но и не завлекало ее, а возраст первого расцвета молодости требовал своего. Времена простоватого Сашка вспоминались мимоходом, с усмешкой. Тело наливалось почти еще неутоленной страстностью, но в поколенной памяти от матери, подгородней деревенской бабы, эта страстность умело управлялась чисто женской практичностью: здесь она еще больше походила на дядьку, материного брата. Пару раз заводила отношения с коллегами, ровесниками по возрасту и, как сейчас принято говорить, по социальному положению, но особо это не длилось: и парни попадались «без особой

перспективы», и они, тоже смышленые, расхолаживались: приданого за Катенькой, тем более квартирного, не предполагалось.

Многое для нее изменилось по первому году работы. После корпоратива, тоже первого в ее трудовой жизни, заболталась она с Людмилой, опытной в жизни тридцатичетырехлетней сотрудницей, уже побывавшей и замужем, и дочь воспитывающей. Жили они с ней почти рядом, в соседних кварталах, идти от тоже недальнего офиса своего в одну сторону. По теплой летней ночи присели, благо Людмилу понесло душу выкладывать молоденькой коллеге, на каком-то подобии скамейки во дворе дома, недалеко от Катенькиного. Многое от той ночной задушевной беседы запало ей в голову. Даже не запало, ибо какой-никакой опыт общения с парнями имелся, но все поставило на свои места. Особенно Людмила советовала молоденькой сослуживице соотносить две вещи: бытовую действительность, не из лучших, и притягательную силу первой молодости, тем более при внешней привлекательности и «недурственной мордашке с непустой по практичности головенкой». «...Из такой для тебя, Катенька, соотносительности следует желательность «спонсоров» или папиков. Причем даже не в смысле более или менее комфортно обставленного траханья, что тоже для здоровья необходимо, но, так сказать, как нас в универе учили, для первоначального накопления капитала: квартирка с обстановкой, счетец в банке, приличный круг общения. Но и здесь не увлекайся: как только все это случится, даже по минимуму, впрочем, хорошему минимуму! так ближе к тридцати годам спонсоров и папиков побоку, находи себе среднедостаточного мужика, рожай, словом, создавай нормальную семью, напрочь выкинув из головы все предыдущее! И будет тебе спокойное, хотя бы умеренно обеспеченное счастье...».

Уже на первом месте работы, кстати, при содействии Людмилы, Катенька попробовала найти покровителя в лице еще относительно молодого зама по маркетингу. А в налоговой конторе зацепила сорокалетнего начальника отдела регистра. Но оба почему-то решили, что молоденькую симпатичную подчиненную интересует только содержимое их штанов. Да еще жена зама по маркетингу, которой добрые люди донесли весть о пассии супруга, устроила прилюдный скандал в офисе, почему, собственно, Катенька и ушла из фирмы в налоговую службу.

Меж тем прежний быт затрещал: сестра ее собралась замуж за бесквартирного суженого. Их хрущевская трешка грозилась превратиться в ту самую банку с кильками. К этому времени Катенька распрощалась с государственной налоговой конторой и удачно устроилась снова в частную фирму. Другую, конечно, не с халявным замом по маркетингу. И должностишка здесь у нее даже появилась. Небольшая, но в подчинении бабенки с дипломами! Проработала она несколько месяцев, а здесь пришел с елочным корпоративом знаковый для Катеньки високосный год. Хозяин фирмы, небольшой, но из числа непотопляемых в любых кризисах, солидный из себя мужик в начале пятого десятка, расчетливый, но с добродушием в характере и нежадный, имел несколько страхолюдную супругу — обычный атрибут женитьбы по мелкому расчету — и ее племянницу в качестве секретарши. И подчиненные бабенки все постарше Катеньки, замужние. А у Дмитрия Алексеевича возраст заматеревшего кобелизма... Словом, после новогоднего елочного корпоратива в ресторанчике с «номерами для отдыха» Катенька обрела надежного папика, да к тому же в полном расцвете мужественности. Как говорит ее мать, правда, по другому поводу: «Тароват да умен — два угодия в нем».

Памятуя наставления Людмилы, дескать, сначала чрезвычайно восхити состоятельного мужика в постели, а потом ненавязчиво заключай с ним «коллективный договор», Катенька уже к майским праздникам обитала в двухкомнатной квартире, любовном гнездышке. Привыкшая к своему кварталу, хотя и пятиэтажному, но престижному для людей несколько выше «среднего класса», она и порекомендовала Дмитрию Алексеевичу, наедине — Димчику, купить квартиру неподалеку от ее ро-

дительского гнезда. Матери она объяснила все напрямую и получила полное одобрение, знала, что дочь все делает с дальним умыслом. Она же приструнила слегка заворчавшего отца, выставив тому пару бутылок, и завидущую новобрачную дочь — сестренку Катеньки. По «коллективному договору» квартира переходила к Катеньке через несколько лет, если и она соблюдет все свои обязанности. В фирме же она скоро получила место главбуха с персональным окладом. Умный Дмитрий Алексеевич полагал более экономным содержать Катеньку за счет фонда зарплаты.

...День выходной. Попивая утренний кофе на уютно, как и вся квартира, устроенной кухне, Катенька все держала в хорошенькой головке эти недавно исполнившиеся двадцать семь лет. Много это или мало? — Для исполнения дальнейших планов, конечно. На этот день рождения Димчик сделал роскошный подарок: за верность почище супружеской, благонравие характера и отсутствие хронических женских капризов и удовлетворение его мужественности он переписал дарственной квартиру на Катеньку. А поскольку дела его фирмы шли в гору — выиграл за малый откат выгодный тендер,— то впридачу к квартире «уполторазил» ей оклад.

Двадцать семь лет. Квартира с обстановкой, счет банковский все круглеет и круглеет, ибо она так поставила «коллективный договор», конечно, ненавязчиво, но только легкими намеками, что из своих денег тратит только необходимый минимум. Все остальное благодушный Димчик, почему-то почувствовавший удовольствие дарить своей очаровательной, на свой откуп охотно берет.

Год-другой у нее в запасе, а там пора рожать (абортов она благоразумно в жизни избегала) без осложнений и всякого там кесарения. Для ребенка нужен законный муж. Она хохотала над мелодрамными сериалами: выходить замуж за мужика на двадцать лет старше? Смешно хотя бы по причине не столько уж далекого снижения мужественности Димчика. Да и развести его себе в убыток: на страхолюдине тот женился по расчету, она и совладелица его бизнеса. И вообще она только вступает в серьезную жизнь. Значит... но впереди еще полтора-два года, что-нибудь придумает. Кстати, надо встретиться с Людмилой, та без доброго совета не оставит. Однако размечталась: через час Димчик придет.

Молодая содержанка владельца сети супермаркетов «Копейка рубль бережет» Авдотья Никитична подготовку к ежегодному бизнес-балу городского купечества начала уже пополудни. И как положено у женщин — с прически. Горничная Глаша не нахвалится роскошными волосами хозяйки:

- Ах, барыня, что за роскошь у вас волосы: прядка к прядке, локон к локону, на перхоть даже намека нет. А все потому, что не используете все эти рекламируемые химикалии, а только натуральные отвары. И травы подбираете все правильные; это я вам как кандидат биологических наук, ранее доцент, говорю. И откуда вы только эту рецептуру знаете?
- -A я, Γ лаша, ведь химик-фармацевт по образованию. И бабушка моя покойная была деревенской знахаркой, траволечением на жизнь зарабатывала.
  - Почему же, Авдотья Никтична, по специальности не работаете?
- Обе мы, Глаша, давно уже не по специальности на хлеб насущный зарабатываем. У тебя, вот, наверное, НИИ за ненадобностью прикрыли, а я после конкурса красоты по рукам пошла, пока не закрепилась за нынешним хозяином.
  - A не грешно, барыня?
- Грешно, Глаша, это когда грешишь, а я работаю, вот как и ты, но только по другой специальности из самых древних женских.

КЛИКОВ И НЕДОЛАЙКИН, ИЛИ ЖИЗНЬ В ЦИФРОВОМ ОДИНОЧЕСТВЕ

Неустанно вязавши чулки, Перегуд додумался, что «надо изобресть печатание мыслей». Гутенбергово изобретение печатания на бумаге он признавал ничтожным, ибо оно не может бороться с запрещениями. Настоящее изобретение будет то, которому никто не может помешать светить на весь мир.

Н. С. Лесков «Заячий ремиз»

Цыпленок зачинается в яйце тогда, когда оно портится.

Григорий Сковорода

◆ Семейства Юрки, по давнему, еще школьному прозвищу Юрец, Клюквина и Макса Недолазова переселились в новопостроенный дом близ городского стадиона одновременно в год, когда Юрец и Макс, тоже в один выпуск, окончили Тулуповский университет, который в городе и области в досужих разговорах упорно именовали политехом, каковым он и являлся со времени основания в первые сталинские пятилетки и до лихих девяностых, когда по всей бывшей 1/6 части земной суши все школы переименовали в гимназии, пэтэу — в лицеи, училища — в колледжи, а все институты, включая уездные «педы», — в университеты. Ну-у, это «предания старины глубокой». Оба семейства из торгового среднего класса, измучившись в родительских еще хрущобах, поднакопили деньжонок, продали наследованные совмещенки и купили вполне пристойные их доходам квартиры в почти престижном двухподъездном многоэтажном доме фасона «спичечный коробок, поставленный на попа». Надо заметить, что никоим образом члены этих семейств, до переезда на новину проживавших в различных, удаленных друг от друга, районах широко раскинувшегося Тулуповска, и не подозревали о существовании друг друга: Клюквины — Недолазовых, соответственно, Недолазовы — Клюквиных. Даже Юрец и Макс, одновременно учившиеся в одном вузе, не были даже шапочно знакомы: встреться на улице — равнодушно пройдут мимо друг друга, как все мы проходим, разминаясь с совершенно незнаемыми людьми. Во-первых, с советских времен в политехе, затем в университете, числилось под двадцать тысяч студентов; во-вторых, сорок корпусов и вспомогательных зданий растянулись в половину района, а Юрец и Макс учились на разных факультетах, чуть ли не в километре друг от друга.

А полупрестижный, то есть без фигурных башенок, эркеров и прочих архитектурных излишеств, дом оказался с занятным сюрпризом. Как то положено в последние три десятка лет, чтобы не тратиться на всякие коммунальные подводы к зданию, дорогостоящие хлопоты на расселение сносимого жилищного и хозяйственного старья, не осваивать пригородные пустоши и прочее, строительная компания за умеренный бакшиш (административные и которые в погонах чиновники и мелочью не брезгуют) приобрела участок под дом-вставку. Но когда подрядчик руками молодцовгастарбайтеров скоренько сгоношил коробку, то сообразился архитектурно-привязочный конфуз. Дело в том, что участок выдался этакой узкой, почти в толщину коробки полосой, зажатой между двумя дорогами: уличной и радиальной общегородского значения, тянущейся от центра к окраинному обводу-развязке. Последняя спешно начала строиться одновременно с полупрестижным домом. Поскольку же дорожное и домовое строительства подчиняются различным планирующим городским ведомствам, то и вышел такой архитектурный конфуз. Отыскали и наказали стрелочников из мелких чиновников, которым и без того ни копейки-цента не перепало из домового отката, то есть бакшиша. Известно дело исстари на Руси святой: алтынного вора вешают, а полтинного чествуют.

Радиальная общегородская дорога как раз расположилась вдоль фасада новостроящегося дома, поэтому он из класса почти престижного — по ценам квартир — перешел в разряд полупрестижных, ибо ни о каком, ранее зарекламированном застройщиком, дворе с детскими площадками, грядущими тенистыми тополями и развесистыми конскими каштанами (гордость Тулуповска — почти Париж и Одесса!), даже скромными скамеечками для старушек и столиками для пенсионеровдоминошников, речь уже не шла. И, о ужас! даже обычные подъездные выходы по технике безопасности и всяким там санитарно-пожарным нормам соответствующие инспекции (после скандала и бакшиш из осторожности не брали, себе в убыток инспектировали...) запретили выводить в сторону достраиваемой стахановскими темпами дороги с губернаторским контролем. Архитекторы и застройщик поломали головы и перепланировали оба подъездных выхода: теперь они, изогнувшись внутри здания — один вправо, другой влево, — выходили на улицу из торцов дома в метре от фасадных углов.

Принято сетовать, что в современном мире отчужденности люди, годами проживающие в одном подъезде многоэтажного дома, порой не знают друг друга даже в лицо. В определенной степени это относится и к жителям сконфуженного дома. Но здесь и вовсе случился феномен разобщенности двух его подъездов. Поскольку, ввиду отсутствия двора и тротуаров, даже узеньких пешеходных дорожек вдоль фасадной и тыльной сторон зажатого дорогами злосчастного строения, пройти от одного торцового подъезда к другому невозможно, то связь таких автономий с внешним миром оказалась возможной только в противоположные стороны: выйдя из своего подъезда, гражданин, товарищ (это который с погонами) или господин должен, гуляючи, пройтись метров с полтораста по дикорастущему скверику между дорогами по сгоношенной строителями асфальтовой дорожке, а дальше для обитателей правого и левого (со стороны фасада глядя) подъездов «выход в люди» существенно различался. «Леваки» под прямым углом поворота улицы сворачивали на ее тротуар и еще метров триста шли до проспекта; свернуть с этого тротуара не было возможности: с одной стороны глухая длинная стена ограждения стадиона, с другой — несколько состыкованных друг с другом оград и стен двух университетских корпусов и вспомогательных служб-зданий. «Праваки» же тоже под углом, но только тупым, огибали здание музыкальной школы и выходили на тротуар переулка, ведшего в противоположную проспекту сторону. Если прикинуть в уме и на пальцах, то попасть из левого подъезда в правый, равно как и наоборот, можно было, после сложных петляний, где-то за тридцать-сорок минут бодрого солдатского шага. Это как на плацу учебного отряда дивизии бравые старшины командуют новобранцами: «левой, левой! солдатский шаг — шестьдесят сантиметров!»

Таким образом, обычная автономность подъездов многоквартирных домов здесь перешла в абсолютную самостийность и незалежность. По отношению друг к другу подъезды стали анклавами: это как Калининград и Крым для материковой России, но там-то есть поезда и паромы и семнадцатикилометровый мост. Опять же лизинговые «боинги» лётают. Уже не говоря, что свои автомобили среднеклассные обитатели полупрестижного дома, матерясь, размещали где придется вдали от визуального оконного надзора, но для правого и левого подъездов все было различным: «свои» магазины и службы жизнеобеспечения, даже почтовые отделения и операционные филиалы Сбербанка разные. Обычная должность старшего по дому, как нонсенс, не существовала, раздвоившись на старших по подъездам с правами первого для каждого из них. Русский человек ко всему скоро привыкает и уже ничему не удивляется. Поэтому когда житель дома вызывает водопроводчика, электрика, телевизионного или компьютерного чинильщика, увы, и 03-машину, если занедужит, то принимающая заказ диспетчерша уточняет, услышав название улицы и номер дома: «Та-ак, квартира тридцать восемь. Это с какой стороны: от стадиона или от музыкалки?» Люто ненавидели жильцов дома почтальонши из двух отделений связи: адрес-то один по улице! Хорошо, что в век интернета письма бумажные не пишут, телеграммы не посылают и посылки от всеобщей скупости не шлют. И еще момент: по новой строительной моде балконы в доме вовнутрь и отгорожены друг от друга вертикальными, по всей высоте здания, ребрами-выступами. То есть, даже опасно перегнувшись над перилами, соседа не увидишь и не услышишь.

Собственно, для чего мы остановились столь подробно на ляпсусах современного городского строительства? — А просто чтобы сказать: семейства Клюквиных и Недолазовых поселились в различных самостийных подъездах, оба на пятом этаже с видом из окон на достраивающуюся радиальную городскую дорогу. Понятно, что жители различных подъездов, Юрец и Макс друг друга не знали. Только и всего-то. А читатель, не хуже прокурора, смысла доискивается...

◆ Макс он и есть Макс: и имя и кликуха. Про Юрца уже сказано. Но они уже выросли в эпоху всеобщего и полномасштабного оцифровывания, поэтому со средних школьных классов уже имели свои интернетовские ники: Люк у Юрца, Дол у Макса — слоги из своих фамилий, удачно получились: и кратко и импортом отдает. Все по-компьютерному, интернетовскому. Но что удачно для интернета, то для него же их фамилии сыграли злую шутку: по созвучию каждый из них получил еще в школе прозвища заглаза, то есть Кликов — для Юрца, Недолайкин — для Макса. Поначалу это обоих злило, но потом оба же махнули руками: зовите, мол, как хотите, только денег в долг не просите.

Поскольку родичи Юрца и Макса выбились в среднедостаточные люди не так уж и давно, то с прибавлением семейств своих по возрасту запоздали, то есть пришлось ограничиться единственными наследниками. В тихой жизни все перемены приходят скопом. Так и у Юрца с Максом по времени совпали переезды в новые квартиры, получение дипломов и официальное трудоустройство, именно — официальное, поскольку по компьютерной части подрабатывали еще с первого курса. По специальности, что в дипломах проставлена, оба, слегка подумав и посомневавшись, работать не пошли, хотя в исторически оружейном Тулуповске в наступившие годы оборонпром частично восстановился. Впервые за последние двадцать лет зарплаты инженеров на серьезных предприятиях, из числа оживившихся, превысили доходы рядовых офисных клерков и торговых манагеров — в основном по причине падения последних в

череде всевозможных кризисов. Но ведь превысили! как бы там арифметические пропорции не раскладывались. Это как пресловутая инфляция, которой на самом деле сейчас и вовсе нет, а есть дефляция, попросту говоря, вялотекущее подорожание всего и всея и массовое постепенное обнищание.

Ну-у, неча в высокие категории лезть. У Клюквина-старшего по случайному совпадению — отошли от дел и перешли в разряд предпенсионных рантье сразу два его конкурента — несколько расширился рынок сбыта, потребовался компьютерный системщик по части логистики. И он с удовольствием оформил трудовую книжку на Юрца. «ООО Клюквин и сыновья»,— слегка загрустив при множественном числе слова «сыновья», беззлобно сыронизировала мать, когда Юрец с аппетитом ужинал, вернувшись с первого трудодня. В небольшой авторемонтной мастерской Недолазова, в основном перебивавшейся тонировкой стекол и рихтованием умеренно побитых передков, компьютерщики не требовались по определению рода работ. Поэтому Макса отец утроил в офис оптовой торговли к давнему знакомому и собутыльнику по зимней рыбалке.

По странному совпадению матери Юрца и Макса трудились по педагогической линии: первая в школе, другая в коммунально-строительном техникуме. Кстати говоря, единственным в городе и области, который не прельстился на американское обезьянническое название «колледж». Как объясняла Елена Григорьевна Недолазова супругу и сыну причину такого вызывающего анахронизма, на момент массовых переименований в девяностые годы в техникуме директорствовал по отставной разнарядке подполковник из «компетентных органов», люто ненавидевший америкосов и вообще западников: его карьера в «органах» обнулилась из-за неудачи в выполнении задания по оперативной работе, где его по мелочи, но все же переиграли цэрэушники...

Вот обе-то матери вполне справедливо положили по женской природной категоричности, что новые просторные квартиры и начало трудовой деятельности их лелеемых чад всенепременно должны замкнуться в треугольник (это по определению Елены Григорьевны, обучавшей будущих коммунальных строителей математике) женитьбой. Девиц Юрец и Макс не избегали, но без увлечения — чтобы как все, от этих всех не отставать, но сама мысль о женитьбе в двадцать с мелочью лет им представлялась смешной. Но заботливые и резонные в своих доводах матери, начиная издалека и заканчивая близко, наседали на сыновей по линии замыкания равносторонних треугольников. Более мягкохарактерный и послушный Юрец пару раз даже вяло согласился с убеждениями матери, для очистки совести раз и другой прошелся по сайтам знакомств в городском ареале. Ровесницы по возрасту, образованию и, так сказать, имущественному (из лексикона отца) положению все были на одно инкубаторское лицо: распущенные волосы ближе к блондинистому цвету, умеренный макияж, чуть удлиненное этими волосами и макияжем. Неумелые еще «а ля Голливуд» зубастые улыбочки, обязательно втянутые — для искусственных сексапильных ямочек — при фотографировании щеки. Инкубатор и есть. И не только на фото, но и в стандартности принятых в таком случае резюме: «Веселая, но скромная, понимаю юмор, люблю путешествия, коммуникабельная. Любимая книга — Дина Рубина* «Синдром Петрушки»; любимый фильм — «Мосты округа Мэдисон». Любимая еда: итальянская паста, чизкейк, смузи, стейк из семги, лазанья». Перестал он искать невест для спокойствия матери в инте, а в жизни реальной когда-то еще наметится?

Макс слушал Елену Григорьевну молча, но когда ему напрочь надоели матема-

214

_

^{*} Несколько лет назад для проведения новомодного всероссийского диктанта на русскую грамотность текст взяли из сочинений Дины Рубиной, израильской русскоязычной писательницы. Затем в окололитературной прессе случился легкий скандальчик: некто досужий грамотей отыскал у Дины фразу про «спиленное бревно»...— Прим. авт.

тические доказательства матери о необходимости замыкания равностороннего треугольника, то он просто привел домой «на ужин» офисную коллегу, которая пробовала ластиться к новому в их коллективе парню. Ей же объяснил — посмотришь как живу. По-своему истолковав такое прямое предложение (про родителей в квартире он умолчал), девица Лиза, называвшая себя Джулией, соответственно нарядилась и наштукатурилась, а при виде строгой училки Елены Григорьевны и почти за ними пришедшего домой Недолазова-старшего потеряла и без того слабый дар речи. После тягостного семейного ужина, который не оживила даже выставленная хозяином бутылочка массандровского хереса, гостья заторопилась домой: «Мама будет волноваться». Отец, мать и даже Лиза-Джулия поняли и — каждый посвоему — оценили фортель Макса. Отец при случае похохатывал, Елена Григорьевна на время отстала от сына со своей треугольной геометрией, а в офисе девицы фыркали при утреннем появлении на работе Макса. К его явному удовольствию, ибо еще со дворового своего отрочества он крепко запомнил хулиганскую присказку о нежелательности совмещения места жительства и работы и постельного общения с девицами.

♦ Наступила слякотная зима. Юрец и Макс вошли в новый ритм своей жизни без особых изменений в ней. Только нуднятину учебы, где соскучившиеся к пенсионному возрасту от ничтожной зарплаты, поменьше дворницкой у гастарбайтеров, и десятилетиями одно и то же произносимого на лекциях, доценты одним своим неряшливым видом отбивали интерес к чему-либо, сменила унылость нижних ступеней пресловутого бизнеса. Если Юрец на правах сына босса и сам-один компьютерщика еще как-то ощущал себя человечкиным человеком, то Макс у чужого дядя тупо зарабатывал близкие к смешным деньги. Словом, поденщина для головы, оброк для души.

На глазах Юрца и Макса, от начального школьного детства до сегодняшнего дня, в жизни окрест их произошли такие перемены, которые во флоте соответствуют команде «кораблям поворот всем кругом». В этом самом детстве они еще застали отголоски «лихих девяностых» с пивными брезентовыми палатками на каждом свободном клочке асфальта, круглосуточно торгующими водярой магазинами. По дороге в недалекую школу, у каждого свою, первоклассники Юрец и Макс завистливо поглядывали на старшеклассников обоего пола, что перед началом уроков, воробьиными стайками рассевшись во дворах соседних со школой домов на изгородях и наружных трубах отопления, дымили сигаретами, а то и вовсе пивком освежались. Но страну начали в быстром темпе подтягивать к порядку и дисциплинарному благонравию. По мере перехода из класса в класс, затем с курса на курс, Юрец и Макс наблюдали, как исчезали пивные палатки, общедоступные забегаловки, ночники, а еще советской поры рестораны и кафе перепрофилировались в магазины, порой со странным, невостребованным товаром — явно для отмывки многих тонн черного нала из ближней столицы. Предложение стимулирует спрос — девиз общества потребления, но директивное ограничение предложения ограничивает этот спрос — не спросившись у потенциального потребителя. Все меньше народа наблюдали студенты Юрец и Макс на улицах, даже в длинные и солнечные дни благодатного лета: взрослые горбатились на частный капитал, зарабатывая все большим потом все меньшие деньги для содержания своих семей, раскатавших было нос на легкие деньги девяностых, когда от всеобщего разворовывания страны кой-чего перепадало и мелким лавочникам, порой даже и бюджетникам. О заводах и фабриках тогда забыли и думать. Это еще школьникам Юрцу и Максу объяснили их отцы, мелкие частнособственники.— Под бутылочку горькой в разразившийся в конце двухтысячных, нулевых годов всемирный кризис.

... А младшие поколения тоже стали избегать обычных для их возрастов радостей вольной жизни: от шатанья по улицам и дворового общения для школьников до совсем замечательной студенческой жизни с дружескими посиделками в дешевых заве-

дениях «с подачей», футболом на университетских стадиончиках, знакомствах с девушками в доступных еще клубах — бывших заводских домах культуры, наконец, с всепоглощающей первой серьезной любовью. Все минуло как сон, ушедший в далекое прошлое. Все эти поколения, почище тюремного заключения, заковал в свои цепи интернет, за последние два десятилетия от занимательной игрушки для недорослей и удобного (без зарплаты!) помощника для людей тру́дящихся превратившийся в гигантский спрут, сделавший человека своим роботом. Это уже студентам Юрцу и Максу объясняли старого закала преподы, порой разговорившись на лекциях сверх политкорректно и толерантно выверенной программы. Но таких все меньше оставалось, отходили по возрасту, а то и по доносам самих же студентов, от дел на заслуженный отдых.

И Юрец с Максом, даже не подозревающие о существовании друг друга, стали придатками интернета.

◆ Странная это штука интернет, порой проскальзывала у Юрца и Макса нечаянная мысль. Вроде как ты член всемирного, двух-трех, а может и более миллиардного, сообщества, а с другой, как обычный живой человек, совершенно одинок, почти что изолирован от общения с другими живыми людьми. Вот и Юрец, уже месяц как втянувшийся в новую интернетовскую игру с иерархией в двенадцать уровней, по мере восхождения с уровня на уровень, где каждая такая ступенька, учитывая сложность игры, занимала не менее пяти-шести плотно занятых вечеров, иногда задумывался: а что из себя представляют его коллеги-конкуренты с уже примелькавшимися никами? По условиям игры участники никаких иных сведений друг о друге, кроме ников, знать не должны: полное обезличиванье. Не само по себе, разумеется, но, чтобы минуя контроль диспетчеров игры, недобросовестные участники не сговаривались друг с другом по иным каналам связи. Это как в покере шулеры играют парой. Чтобы не распыляться, Юрец выделил участника с ником Дол, который уверенно переступал уровни вровень с ним. Кто он в своей живой оболочке? Каков собой, из какой страны или города, если соотечественник? Возраст его, характер и все остальное, человеческое... Почему-то Дол вырисовывался — что за игра воображения! — индусом или японцем лет тридцати — тридцати пяти, с университетским образованием, а индус и вовсе в Америке учился. Сложнее с профессией — не обязательно компьютерщик. Например, японец офисный менеджер, а индус перебрался в Австралию (где-то прочел, что там много индусов работают) и трудится в тамошнем филиале компании Hewlet Packard или Googol. И так далее, вплоть до семейного положения и любимого сорта пива.

...И Макс заприметил в числе своих конкурентов участника с ником Люк. Почему-то он представлялся ему подмосковным жителем из бывшего наукограда, работает же в Москве, тратя по два часа дороги туда и столько же обратно, правда, через день — в сетевой компании, ровесник.

По условиям игры для прыжка на предпоследний уровень финалистов (а среди них победитель и два премиальных дипломанта выбирались цифровым лототроном) следовало выбрать участника, который, в свою очередь, и его выберет. Это уже не игра в орлянку, а следовало проанализировать весь ход игры, начиная с нижнего уровня, отслеживая более или менее рядом идущего соперника. Это условие было объявлено диспетчером в четверг, ответ следовало дать до полудня субботы. В четверг и пятницу Юрец и Макс весь вечер и начало ночи, часов до двух, ломали головы. Пришла и финальная суббота. Оба отказались от завтраков, вообще не выходили из своих комнат. Девять часов. Десять часов. Одиннадцать с четвертью. Без четверти двенадцать — роковой час. Все, пропали полтора месяца жизни... Юрец в полном отчаянии вскочил со стула и, не взвидя белого света, со злобой шарахнул тыльной стороной кулака по стене, к которой придвинут его рабочий стол. И Макс в полном отчаянии ударил кулаком по стене, в полнейшем отчаянии спрыгнув со стула. И — о

чудо из чудес! — от удара Юрца квадрат, где-то полметра на полметра, стены, разорвав обои, прогнулся вовнутрь чужой квартиры. В тот же миг ответным ударом разозленного Макса этот же квадрат снизу вогнулся в сторону квартиры Юрца, а затем и вовсе отлетел от стены и грохнулся на его стол. Хорошо не дотянул нескольких сантиметров до ноута, иначе бы расшиб его.

Пригнувшись к квадратной пробоине, тот и другой изумленно уставились друг на друга.

- Ты кто?
- Юрец. А ты?
- Макс. Чего это стены ломаешь?
- Да вот с игрой незадача. А ты чего?
- То же самое. Слушай, а какой у тебя ник?
- Люк. А твой?
- Дол. О-о-о, братан, так мы с тобой одну партию ведем. Пять минут до двенадцати осталось, давай срочно сообщаем ники: ты — мой, я — твой.
- ...Юрец и Макс вышли в финалисты. И хотя цифровой лототрон обошел их обоих своим виртуальным вниманием, но и стать финалистом большой почет: их имена, настоящие, не ники, навечно теперь внесены на цифровую доску достижений солидной компании компьютерных игр. Юрец с Максом сдружились, что редкость в наше время цифрового одиночества.
- ♦ ...Как потом выяснилось в судебном разбирательстве по дознанию и технической экспертизе, застройщик, снизив цены за квартиры, когда выяснилось что из-за строящейся впритык радиальной городской магистрали у дома не будет двора, автостоянки — и вообще ничего, дабы не особо потерять в прибыли, отдал команду прорабу экономить буквально на всем: «Хоть внутренние стены из г... лепите, но чтобы ни один обломок кирпича, ни единая щепка мимо дела не прошли!» Так получилось, что при разгрузке панелей для некапитальных квартирных стен, в том числе в проемах между кирпичными кладками стен межподъездных — для крайних квартир, неряшливый крановщик так неаккуратно «приземлил» пакет этих панелей, что проломил нижнюю о торчащий булыжник. Когда строители-таджики указали прорабу на бракованную плиту, то последний, еще добротной советской закалки, беззлобно выматерил арийцев* Азии, а затем процитировал известный лозунг Леонида Ильича: «Экономика должна быть экономной». Затем самолично красным карандашом, что обычно держал за ухом, по плотницкой линейке обвел квадратом полметра на полметра, велел самому понятливому гастарбайтеру выпилить квадрат по контуру, изготовить такого же размера из какого-нибудь ненужного обрезка плиты, вставить в отверстие плиты, закрепив клеем. «...Затем зарихтуй заподлицо, а при установке все следы и вовсе исчезнут при известковой обмазке».

Как с видимым удовольствием от проделанной работы доказывал на суде молодцеватый технический эксперт, перемигиваясь с роскошно-длинноногой судебной секретаршей, из той же частнособственнической экономии вместо добротного клея «хенкель» на стройке использовался дешевый китайский эрзац, поэтому-то квадратная вставка и вылетела от двух ударов Юрца и Макса — явно не боксеров или гиревиков...

А в момент происшествия на тройной грохот — кулаками Юрца и Макса и от падения вылетевшего квадрата на стол Юрца — в комнаты финалистов сбежались оба семейства, заодно и познакомились через квадратную пробоину. Как люди деловые, старшие Клюквин и Недолазов тотчас вышли из своих квартир и через двадцать минут уже сидели в равноудаленном от автономных подъездов ресторанчике с интерес-

^{*} Таджики, как иранцы и обе афганские народности, принадлежат к этноязыковой индо-европейской, или арийской, группе народов.— Прим. авт.

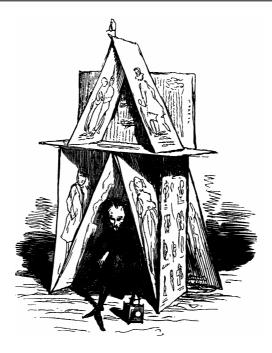
ным названием «Библиотека», каковая здесь же ранее и размещалась.— В архаичную эпоху чтения бумажных книг, точнее, вообще чтения.

Выпив по первой за знакомство, сразу перешли к составлению диспозиции. Сами частнособственники-предприниматели средней руки, они решительно отвергли какие-либо мирные переговоры с застройщиком. «Хрен возьмешь с тарелки деньги у попа»,— приговорил Клюквин, в первом поколении городской житель, помнящий едкие деревенские присказки. «Только суд и суд показательный! — согласился Недолазов,— главное, иск выставить на предельно разумную цифру, всякий там моральный ущерб...».

С понедельника сражение началось. Клюквин понес в районный суд коллективное, от двух квартирохозяев, исковое заявление, а Недолазов позвонил в популярнейшую в городе и в области желтую газету «Толока». Там восхитились скандалезностью происшествия и тотчас прислали молодого, но уже ловкого корреспондента Дениса Коротина, подписывающего свои материалы в газете как Дэн Корвин, и фотокора. Вошедшие в апофеоз сражения Клюквин с Недолазовым выкупили прямо в редакции «Толоки» две пачки очередного номера, а Юрец и Макс, тоже почувствовавшие вкус охоты, пользуясь стенным отверстием, распределили номера и самолично отоварили ими почтовые ящики обоих подъездов. Весь дом хохотал: ядовитейше написанная Дэном статья-фельетон сопровождалась почти десятком фотографий, на которых в стенном проломе весело помахивали ручками обитатели злосчастных квартир, здоровались также за руку в отверстие, на столе Юрца лежал, прислонившись под углом к стене, выпавший кусок. Венчали фотосессию два снимка: Юрец и Макс, обнявшись, позировали в качестве финалистов новомодной компьютерной игры, а на другой — панорамный вид на дом, стиснутый двумя дорогами. Не только огороженный дом, но и весь город с областью целую неделю хохотали. Говорили, что и сам губернатор с интересом читал. Но судья, принимая исковое заявление, с сомнением покачал головой, дескать, такие дела тянутся годами, а там и с застройщиком что-либо чудесное случится по коммерческой, например, части...

Но подмога пришла откуда не ждали. В одной из квартир Клюквинского подъезда проживала пожилая пара, у которых имелась какая-то досадливая недоделка, а главное, их старший сын, проживавший в столице, был известен как модный, блестящий адвокат, глава своей конторы «Совестливов и партнеры». Уважая обиженных родителей и для создания себе имиджа в родном городе — Москва большая, но и окрестные места надо к своей практике приобщать! — он и взялся бесплатно поддержать иск Клюквина и Недолазова. На заседании суда он произнес такую великолепную речь, что в освещавшей процесс «Толоке» ее сравнили разве что с хрестоматийными русскими дореволюционными адвокатами А. Ф. Кони и Плевако...

Истцы процесс выиграли. Из обладминистрации нажали на застройщика. Компенсацию Клюквины и Недолазовы получили по пристойному максимуму. Однако возвращаться к прежней автономности подъездов, здраво рассудив, квартиросъемщики не захотели: а вдруг сотовая связь и интернет пропадут? Совсем не общаться что ли подъездам? Ведь живем в эпоху глобализма как на вулкане. Словом, в стенной квадрат вставили что-то навроде непрозрачной форточки, открывающейся в обоих направлениях. Но только при одновременном повороте запорных рычажков.

Даже в проникнутой духом коллективизма Советской стране интеллигент стремился к некоторому уединению; таких мест было немного: кухня с бутылкой горькой сам-один да туалет. Новейшие времена, казалось бы, благоприятствуют полному уединению, тем более, что при вороватой организации жизни общение с другими людьми просто опасно. И пошло и поехало. Столично-мафиозная часть бывшей культурной прослойки для уединения построили виллы во Флориде и в Испании, а у остальных, нищенствующих, средств хватило только на карточные домики. Материалами же для их строительства послужили найденные на свалках отечественной истории артефакты: верноподданический монархизм, обрядовая церковность, умеренное диссидентство, начатки европейского либерализма от Чаадаева, внешнее славянофильство от братьев Киреевских и Хомякова, отголоски евразийства и добрая власть, у которой злые бояре-чиновники украли «жалованную грамоту» для народа.

യമായത